

Влад Миронов

По ту сторону штор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влад Миронов

По ту сторону штор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53816534

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06657-1

Аннотация

Крик прорезает гробовую тишину трёхкомнатной квартиры – и Денис Молчанов оказывается в безумном мире своей матери, больной очень редкой разновидностью амнезии. Начинается игра, ставка в которой жизнь, но игроками выступают не только люди. Порождения мрака, скрывающиеся за тёмными шторами, уже готовы окунуть героя в настоящий кошмар. Стол уже накрыт. Близится Чаепитие. Помимо повести в жанре ужасы «По ту сторону штор» в сборник также входят следующие рассказы: фантастический боевик «Железная душа», социальные драмы «Выживание» и «Безумец», а также сказка, смешанная с драмой, «Домовой». Содержит нецензурную брань.

Содержание

По ту сторону штор	4
Конец ознакомительного фрагмента.	131

По ту сторону штор

Посвящаю своим родителям

Ночь уже давно накрыла своим тёмным одеялом всё село, но за окном было не темно. Уличный фонарь, стоявший возле забора, освещал наш задний двор, на котором был разбит небольшой огород, а также размещены сарай и баня. В доме стояла тишина, лишь только шум работающих охлаждающих вентиляторов в системном блоке развеивал её. Я медленно встал с постели и увидел, что моя комната находится в полумраке. Её освещал только синий свет от монитора компьютера, который стоял на столе в углу. Сначала я подумал, что на экране был синий экран смерти, но, присмотревшись, пришёл к выводу, что это, скорее всего, было не так, так как никаких символов на синем фоне не было. Ну, может, они и имелись... да только в тот момент зрение меня по непонятным причинам подводило. Перед глазами шла рябь, как в старых телевизорах, а при попытках взглянуть во тьму она становилась сильнее.

Я сделал шаг к рабочему столу, слева от которого было небольшое окно. В голове промелькнула мысль: «Где же родители?»

И тут же после этого по бетонной тропинке за окном спра-

ва налево пронеслись две фигуры с очень тонкими руками и ногами. На их головы было что-то надето из очень тонкой и прозрачной ткани. Фигуры скрылись за частью дома – дом был не прямоугольный, а буквой «Г».

По моему телу пробежали мурашки, рябь перед глазами на секунду усилилась. Страх полностью заполнил всё моё тело. Оно затряслось, но ноги, будто повинаясь не мне, а чьей-то другой воле, сами меня понесли сквозь непроглядную тьму зала – который, кстати, кроме как шкафом и рабочим столом, между которыми был проём, ничем не отделялся от моей спальни – к кухне. Руки, к счастью, подчинялись мне, и я их вытянул вперёд, чтобы не врезаться во что-нибудь впотьмах.

Добравшись до дверного проёма, я остановился, и тут мои глаза от шока широко открылись. На кухне были какие-то две странные фигуры, походившие на деревянные манекены. Свет того же уличного фонаря, попавшего в комнату через окно, частично вырывал из тьмы голову и часть тела ближайшего ко мне существа. Она, то есть голова, имела форму идеально ровного круга, и на ней было что-то похожее на белую фату, какие носят невесты на свадьбах. Фата была откинута назад и свисала вниз почти до самого пола. Лицо у странного создания отсутствовало, но имелось подобие рта – толстая полоска, обходящая всю его голову по кругу. Длинные руки манекенов были вытянуты вдоль их тонких туловищ, ноги, выглядящие точно так же, как и руки, были расставлены чуть

шире плеч. Конечности существ находились в неподвижном состоянии, но только до тех пор, пока откуда-то – казалось, со всех сторон – не прозвучал церковный колокол.

«Ночью? Не может быть!» – подумал я.

И тут же существа... ожили. Конечности их затряслись, головы закружились, а «рты» начали открываться и закрываться, как у щелкунчиков.

Я сделал шаг назад, но руки ближайшего ко мне существа поднялись и коснулись меня, что полностью меня парализовало и не дало мне продвинуться дальше. Они проникли внутрь моего тела, причём с такой лёгкостью, будто я был не живым существом из плоти и крови, а бестелесным призраком. Тонкие длинные руки принялись рыскать внутри меня. Манекен, без сомнения, желал что-то найти во мне, но вот что именно – я не знал. Через несколько секунд существа начали говорить на непонятном мне языке тоном, каким говорят священнослужители в церквях (это первая ассоциация, что пришла мне в голову):

– Омн оглхл омнн оглхл омнн оглхл.

Когда руки существа коснулись моего сердца (соприкосновения с другими внутренними органами я, что удивительно, не почувствовал), во мне зародилось странное и неприятное ощущение... ощущение того, что мне не хватает воздуха. Я попытался закричать, но не смог этого сделать – рот не слушался меня и не хотел открываться. Страх окутал меня. Неприятное чувство в груди всё усиливалось, видимость

становилась всё хуже и хуже, а существа продолжали говорить на своём языке, тем самым усыпляя меня: «Омн ооглхл омнн оглхл омнн оглхл омнн оглхл».

И тут в ушах раздался звон, за которым последовал щелчок, напомнивший мне щелчок при выключении старого телевизора, после чего мои глаза залило тьмой.

Сразу же, как только сон отступил, я сбросил с себя одеяло и сел на кровати. Вся моя спина была в холодном поту, а ощущение недостатка воздуха не покинуло меня даже в реальности. Рука моя потянулась к груди. Сердце стучит, а значит, с ним всё в порядке. И почему вдруг с ним должно быть что-то не в порядке?

«Наверное, не до конца ещё пришёл в себя», – подумал я.

Я протёр мокрый от пота лоб рукой и посмотрел в окно слева от себя. За ним было темно, а значит, было либо раннее утро, либо ещё ночь. Я потянулся к тумбочке, взял с неё смартфон, нажал на кнопку питания и, прищурившись, взглянул на четыре белые цифры вверху экрана.

– Чёрт, ещё только три часа, – с досадой прошептал я и, положив телефон на место, вновь лёг на кровать и укутался одеялом. И вдруг ни с того ни с сего мне в голову посыпались странные и несколько пугающие мысли, предположения и идеи, которые напрямую касались моего сна.

«Да уж, – подумал я, – такой кошмар мне не снился, наверное, с...»

И тут мои глаза широко раскрылись, сонливость отступила ещё на несколько шагов. Я произнёс в своей голове:

«Как же я сразу не понял? Точно такой же сон приснился мне в детстве! Да, точно! Помню я этот ужасный кошмар, который тогда здорово меня напугал. Он был настолько яркий, что не забывался на протяжении нескольких лет, но потом начал становиться в памяти всё бледнее, всё прозрачнее, пока не забылся вконец и не затерялся в глубине моего подсознания. Но почему вдруг память вновь выставила его мне напоказ в моём сне?»

Я перевернулся на другой бок.

«Интересно, что же всё-таки это значит?» – подумал я, и через секунду на моём лице расцвела улыбка.

«Что это значит? – мысленно произнёс я. – А я скажу: абсолютно ничего. Мистика... как же! Как ты там любишь говорить? Вера в какие-то особенные значения сновидений и случайных стечений обстоятельств является язычеством... и больше ничем? Так ведь? Неужели что-то изменилось?»

Мысли всё лезли и лезли ко мне в голову, далеко уходя от темы моего сна. Все эти воспоминания давних ощущений, обрывки фраз и песен никак не желали оставлять меня в покое, так что заснул я, скорее всего, только под утро.

Звонок.

Голова гудела, будто с похмелья, однако всё дело было только в этой дурацкой бессоннице, которая промучила ме-

ня полночи. Сон вновь захотел вернуть меня в свои объятия, и моя больная голова, в общем, не имела ничего против этого, но...

Звонок.

– Да слышу я! – пробурчал я и, еле-еле вырвавшись из цепких лап забвения, встал с постели.

Сделав это, я начал вертеть головой, ища свой телефон – на тумбочке его не оказалось.

– Да где же...

Прозвенело снова.

– А, ну конечно! Где же тебе ещё быть-то? – проворчал я и, пошарив под подушкой, вытащил оттуда источник этого противного звона.

Такое было не впервой. Где-то месяц назад я начал находить свой телефон не в надлежащем для него месте, то бишь на тумбочке, а где-то ещё. Это «ещё» касалось не только моей комнаты, но и всей квартиры в целом. После второго такого случая я, помню, подумал, что здесь замешаны какие-то мистические силы. Мне стало интересно. Однако, просмотрев запись с видеокамеры, которую поставил перед сном в спальне, я понял, что ночью сам вставал, брал телефон, бездумно водил пальцем по тёмному экрану – при этом улыбаясь, как идиот, – а затем через некоторое время куда-нибудь его прятал, причём всегда в разные места. Сделав это, я вновь отправлялся в постель, продолжая улыбаться так, будто сделал что-то воистину остроумное. Ну да, мистика. Я на

самом деле любил эту тему, но этот случай заставил меня ещё больше усомниться в том, что «что-то всё-таки есть». Идея убирать на ночь телефон в другое место как-то решила проблему с лунатизмом, однако сегодня утром он мне позарез нужен был именно здесь. Сегодня должна приехать мама, и она предупредила меня, что позвонит, когда будет подъезжать к городу. И приезжает она не для того, чтобы погостить у меня в выходной день. Она намеревается задержаться здесь на куда больший срок, то бишь, скорее всего... навсегда, так что с этого дня она будет проводить выходные дни уже не в городе, а в селе. Её сократили на работе, а затем кто-то предложил ей работу здесь, в городе, но не только это было причиной её переезда в город. Причина была ещё в вечном её желании быть поближе ко мне. Отец тоже переедет в город, когда отработает последний квартал, так что скоро вся наша семья снова воссоединится под одной крышей.

Звонок.

– Да слышу я, сейчас! – пробурчал я снова и, проведя пальцем по экрану, поднёс телефон к уху. – Алло?

– Алло, алло. Привет, Денис! Как там твои дела?

– Ничего, мам. Вы как сами?

– Норма-а-ально, – протянула она, и наступило небольшое молчание. Через несколько секунд мама снова заговорила: – Слушай, в общем, я уже въехала в город. Ты, наверное, уже выходи... или ну его, я уж как-нибудь сама доберусь.

– Да ладно, ма, мне не сложно, – сказал я, всеми силами

сопротивляясь зевоте.

– Ну тогда выходи, раз так хочешь.

– Хорошо... – ответил я и уж было хотел окончить разговор, но тут, вспомнив про одну вещь, про которую мне просто необходимо было спросить, произнёс: – Это... мам!

– Да, что ещё?

– У тебя... ну, в целом, всё нормально?

– Ты... о чём?

– Со здоровьем, я имею в виду.

Произносил это я тихо, с некоторым стеснением, так как не хотел задеть её этим вопросом.

– М-м-м... да, сынок, всё хорошо. Спасибо, – выпалила она, будто читая с листка. – Ну... давай, до встречи!

«Я думал, эта тема уже перестала быть больной, – подумал я. – Похоже, всё ещё нет».

– Да... – закончил разговор я и, снова коснувшись экрана, медленно опустился на кровать.

«Что с ней, доктор?» – раздался в голове голос отца.

Правой рукой я положил телефон на тумбочку, левой начал тереть глаза.

«Достаточно редкий случай амнезии, – раздался голос доктора в ответ. – После приступа у человека временно стираются в памяти последние несколько дней его жизни, реже – недели. Частота приступов резко варьируется от нескольких раз в неделю до раза в год».

В голове раздался звук помех, как при просмотре старых

видеокассет на видеопроекторе.

«Да... да, конечно, не всё, – продолжил доктор. – Человек сможет вспомнить своё имя, адрес, назвать по именам всех своих родственников, а также оставит при себе свой багаж знаний, накопленный за всю жизнь. Теряются в памяти только несколько дней, вот и всё. Редкий случай, да-а, но не сказать, что представляющий серьёзную угрозу. Хотя... есть некоторые оговорки».

Мои брови сдвинулись. Я перевернулся на другой бок и вернулся в больницу.

«Сразу после приступа у человека могут наблюдаться неспособность отделения сна от яви, лёгкие галлюцинации. После возвращения воспоминаний – а это может занять от одного дня до недели – больной будет казаться, что всё произошедшее с ней после потери памяти и до её возвращения являлось сном».

«И... что нам делать?» – снова голос отца, на этот раз более взволнованный.

Яркая вспышка – доктор вертит ручку в руке, затем надевает очки, берёт бумажку, что-то на неё записывает и передаёт её отцу.

Снова звук помех, сквозь который слышится тихий отцовский голос: «Хорошо, доктор... я всё понял».

Я открыл глаза, после чего тут же рывком поднялся на локтях, схватил смартфон с тумбочки и сверил время маминго звонка со временем теперешним.

– Уфф, хорошо, что прошло только пятнадцать минут, – с облегчением выдохнув, сказал я и помчался одеваться.

Доехав на автобусе до вокзала, я направился к месту нашей с мамой встречи. Подойдя к вокзалу, я увидел, что она уже вышла из здания. Она сидела на скамейке, обхватив одной рукой багаж, состоящий из одной, но очень большой сумки. Увидев меня, мама улыбнулась и поднялась со своего места.

– Привет, Денис! Что-то ты долго, – сказала она.

Я подошёл ближе и застенчиво почесал затылок.

– Извини... честно говоря, я после твоего звонка уснул, – сказал я.

– Эх, ты! Говорила же я тебе, что сама доеду, а ты со своими...

– Да ладно, ма, мне не трудно было. Так просто получилось. Спалось плохо.

– Ну ладно... – произнесла мама и подняла свой багаж со скамьи. – Раз уж приехал за мной, то поработаешь носильщиком, не сломаешься.

Я взял из её рук сумку, и мы пошли обратно к автобусной остановке, по пути болтая о самых различных вещах. Она хотела знать буквально всё о моей городской жизни, так что на меня градом сыпались вопросы, на которые я, хоть и с неохотой, но отвечал. Про саму жизнь в городе в целом мама особо не спрашивала, так как и сама знала её не понаслышке.

Она ездила сюда на повышение квалификации... да и вообще училась здесь в колледже, а потом и в университете. Её больше интересовало, какова для меня эта городская жизнь, как я к ней отношусь. Ну что тут сказать: я привык, вот и всё. Ко всему можно привыкнуть, даже к тому, что поначалу не понравилось или испугало, как в моём случае. Город был для меня чем-то огромным, необъятным. Чем-то, в чём можно легко заблудиться. Мне он виделся большим муравейником, сотканным из тысяч, если не миллионов ходов, которые ветвились и уходили в глубину и в бесконечную даль.

Мы обсуждали всё это с таким жаром, что пришли в себя только возле входа в подъезд нашего дома. Поездка в автобусе вообще не задержалась в моей памяти, будто я находился во сне в это время. В квартире мы решили надолго не задерживаться. Мы закинули сумку в шкаф, после чего посидели немного за обеденным столом, закончив за ним обсуждение всех тем, что были начаты ещё у вокзала, а затем пошли гулять по городу. Мама для того и приехала в город пораньше, то бишь утром, чтобы весь последний день своего «отпуска» посвятить мне. Мы были довольно много где: в кино, во всевозможных торговых и развлекательных центрах, в парках, на набережной. Нам действительно было очень весело, но... какое-то раздражение внутри меня всё же было. Насчёт здоровья мамы я ничего конкретного сказать не мог. Она была спокойна – либо старательно делала вид, что её ничего особо не волнует, – но о себе такого я сказать не мог. Тем не менее

от беспокойных мыслей я старался избавляться, говоря себе, что с мамой всё в порядке и за неё беспокоиться не нужно.

Домой мы вернулись часов в шесть вечера, и вернулись чертовски уставшими. Домой, да. Квартира, что являлась для меня сейчас – и скоро станет для мамы – домом, была довольно большой, имела две спальни, одну гостиную – или зал, – кухню, ванную комнату, туалет, а также коридор. Досталась она нам по наследству от уже покойной маминой сестры, которая не имела прямых наследников (единственный её сын погиб в автокатастрофе). Мама мне рассказывала, что они с ней раньше были очень близки, но их связь нарушилась сразу после того, как сестра переехала жить в город. Мы сейчас поступаем точно так же, и мне в голову по этому поводу пару раз пролезала странная мысль: мама заняла место тёти. Довольно жутко на самом деле, особенно если учитывать, сколько смертей, так или иначе связанных с этой квартирой, произошло за довольно короткий промежуток времени.

После приготовлений на завтрашний день я наконец вернулся в свою постель, с которой так жестоко расстался этим утром, чтобы погрузиться с головой в пучину сновидений. Нужно выспаться, завтра тяжёлый день. Завтра снова меня ждёт учёба в колледже вместе с остальной рутинной будних дней. Да, нужно выспаться.

Первое, что пришло, – это боль. Сильнейшая головная

боль, которая волной нахлынула на меня. Затем, через секунду, вернулся слух, но я в тот момент, наверное, всё бы отдал, чтобы он не возвращался, так как по ушам тут же ударил женский крик:

– Дени-и-и-ис!!!

Я резко сбросил с себя одеяло и приподнялся на локтях.

– А?! Что? – пробормотал я, не понимая, что происходит.

Глаза отказывались открываться, но, через силу всё-таки заставив их это сделать, я увидел, что справа от моей кровати стояла мама и смотрела на меня безумными красными глазами. Чёрные волосы её были взъерошены, что придавало ей вид самой настоящей колдуньи.

– Мама, ты чего? – потирая глаза, спросил я, а затем посмотрел в окно. За ним, что удивительно, было ещё темно. – Не рано ли вставать? Темень же ещё!

Она молчала, продолжая смотреть на меня так, будто я в чём-то провинился, и под гнётом этого взгляда мне стало неловко. А вдруг я на самом деле сделал что-то вчера, о чём сейчас не могу вспомнить?

Пауза затягивалась. Я уже было хотел прервать молчание хоть каким-то вопросом, но мама меня опередила:

– Куда пора? – крикнула она. – Как я вообще здесь оказалась?

Сонливость моментально прошла, глаза раскрылись шире, сердце застучало чаще. Я понял всё моментально – у неё приступ.

«Не зря у меня какое-то странное чувство возникло, когда мы гуляли», – подумал я.

Я вскочил с кровати и принялся надевать на ноги носки, которые, пока я их не схватил, валялись на полу. Руки дрожали, так что вышло у меня это не очень удачно – на правой ноге пятка носка ушла в сторону.

– Мам, послушай, – начал я и выставил руки вперёд. – У... у тебя снова приступ, т-ты снова забыла последние несколько дней. Ты помнишь про свою болезнь? Ты про неё помнишь?

И вдруг мамин взгляд изменился, возбуждённость мигом прошла, и на её место встала... отрешённость. Она перестала обращать внимание как на меня, так и на мои слова. Вместо этого мама стала обходить замороженным взглядом мою комнату. Выглядело так, будто она первый раз видит человеческую спальню в принципе.

– Да... помню, – почти шёпотом сказала она, затем продолжила чуть громче: – Но... я давно уже вылечилась, и... у меня какое-то странное чувство, – мама зажмурилась и, кажется, попыталась сконцентрироваться на своих чувствах. – Знаешь, такое чувство... безмятежности.

И тут её глаза раскрылись шире, её вновь возбуждённый взгляд направился на меня.

– Я поняла. Поняла, что это. Это... всего лишь сон...

Я глубоко вздохнул, затем тяжело выдохнул.

– Нет, мама, это не сон. Тебе просто кажется, что это сон. После приступа всегда так!

Однако мама не обратила на мои слова никакого внимания и продолжила:

– Это сон. И... я будто... сама не своя.

Наступило молчание. Через несколько секунд мама медленно перевела взгляд с пола на меня и... улыбнулась. Улыбнулась так зловеще – но при этом и завораживающе, – что я испугался не на шутку и отступил на шаг. Мурашки пробежали по всему моему телу, я начал дрожать. И вдруг произошло то, чего я никак не ожидал: мама, смеясь, накинулась на меня, вытянув руки вперёд и шевеля пальцами, будто желая меня защекотать. Я уклонился вправо – мама упала на кровать, – а затем подошёл к распахнутой двери, чтобы было куда отступать, и вновь повернулся к маме лицом.

«Что с ней такое? Мама бы себя никогда так не повела... даже в забывчивости. Я уверен», – подумал я, после чего сказал:

– Мам... ты больна, понимаешь? Тебе нужно успокоиться, я сейчас...

– Я... теряю контроль над собой, – сказала она, перебив меня. – Я держалась, крепко держалась, но сейчас мне не за что ухватиться, и чьи-то цепкие лапы утаскивают меня прямо во тьму, – она встала с постели, пошла на меня. – Я... больше не могу, хи-хи, сопротивляться, и из тьмы мне шепчут... что я могу спасти тебя. Я могу... вернуть тебя под своё крыло и спасти, но для этого... я должна убить твой образ. Я должна убить твой образ... во сне.

Её слова повергли меня в шок. Что происходит? После приступа... такого не должно происходить. Мама бы... ни за что такое не сказала.

– Мам... Т-ты... ч-чего это? Это же я, твой сын! – произнёс я.

– Мама? – произнесла она, после чего остановилась, и её рот вновь растянулся в зловещей улыбке. – Поздно мамкать, сопляк. Я её отражение в разбитом зеркале. Хочешь поиграть, Денис? Я любила играть в детстве в салки!

После этого по моей голове и по моему сердцу тут же ударила нахлынувшая волна адреналина... и я побежал. Побежал так, как не бегал никогда. Сзади раздавался зловещий смех, который с каждой секундой становился всё громче и громче.

«Она меня догонит! Я не смогу...» – пронеслось у меня в голове.

Было так страшно, что иногда хотелось просто взять и остановиться, чтобы покончить со всем этим и не испытывать больше страха. Но вместо это я переборол отчаяние в себе и все свои оставшиеся силы потратил на последний рывок в зал. Забежав в комнату, я тут же запер за собой дверь и отступил на два шага.

– Открывай, чёрт тебя дери! Открывай, тебе говорят! – кричала мать, стуча со страшной силой в дверь.

Сердце пыталось вырваться из груди, а виски пульсировали так учащенно, что, казалось, готовы были порваться.

– Ты думаешь, что сможешь избежать наказания, крысёныш? Тебе всё равно не сбежать от меня!

Мама начала царапать дверь ногтями, и по моим ушам ударили неприятные, режущие слух звуки. Секунд через пять мама зловеще рассмеялась и произнесла:

– Это всего лишь вопрос времени, когда ты окажешься у меня в руках! Всего лишь вопрос времени! А когда я тебя поймаю, о-хо-хо, ты за всё заплатишь, мелкий паршивец! Да-а-а, за всё-ё-ё!

В глазах помутнело. Откуда-то – казалось, из изнанки мира – продолжали раздаваться противный скрежет и ужасный загробный крик «Открывай!».

И вдруг... всё утихло, как будто кто-то взял и выключил вообще весь звук. Я открыл глаза и обнаружил себя лежащим возле дивана. Моя голова была прислонена к нему.

– Что... что происходит? – спросил я, сам не знаю кого. – Как я... тут оказался?

Через секунду мой взгляд прояснился, а глаза расширились: ко мне вернулись воспоминания обо всех недавних событиях. Но воспоминания эти были какие-то неясные и мутные и воспроизводились в голове очень нечётко.

Я медленно поднялся с пола, подошёл к двери и приложил к ней ухо: не было слышно ничего. Тогда, немного помедлив, я слегка приоткрыл дверь и осмотрел коридор. Убедившись, что ни за дверью, ни в самом коридоре никого не было, я вышел из комнаты, осторожно приоткрыл дверь в кухню, ко-

торая находилась справа от двери в зал, убедился в том, что и за ней никого не было, и приступил к осмотру остальной части квартиры. Я проверил свою спальню, проверил соседнюю – в которой ночевала мама, – заглянул в ванную и в туалет, перелазил по всем шкафам, и когда решил для себя, что в квартире, кроме меня, никого нет, вернулся на кухню и сел за стол.

– Что за чертовщина? – прошептал я и протёр уставшие глаза рукой. – Должно же быть какое-то логическое объяснение!

После недолгих размышлений и перевариваний в голове всех недавних событий я нашёл это самое объяснение. Во время его поиска я в первую очередь опирался на ощущение того, что со вчерашним днём было что-то не так, и, взяв это за основу, решил, что его попросту не было. То есть он был... но только не в реальности, а в моей голове.

– Он мне приснился! – заключил я и рассмеялся. – Надо же! Это... чёрт, это было реально странно. Всё так... натурально было, без всяких обрезаков и монтажных склеек, собственных сну. Да ещё этот лунатизм... – Пауза. Я положил голову на стол, прикрыл уставшие глаза и продолжил с хрипом в голосе: – Да, странное явление. Очень странное, – на моём лице отразилась улыбка. – Наверное, так сходят с ума люди, действительно поверившие в свои кошмарные сны, не осознав, что этого не было в действительности, что это плод их разыгравшегося воображения. Всего лишь ничтож-

ный пло-о-од, – прохрипел я в конце, после чего встал из-за стола, так как подумал, что такими темпами погружусь в сон прямо на кухне.

«Хотя я, скорее всего, всё равно не заснул бы, так как целая туча мыслей не позволила бы мне это сделать, – подумал я. – Ну что ж, на это у меня есть проверенное средство».

После этого я открыл холодильник и достал оттуда пачку таблеток снотворного.

Высыпав их на стол, я стал заворожённо каждую из них осматривать. Бросив в рот ту, которая понравилась больше всего, я подошёл к раковине и запил таблетку водой из-под крана.

«Нужно успокоиться, – подумал я. – Нужно просто успокоиться и спокойно заснуть. Завтра меня ждёт тяжёлый день. Настоящий, не вымышленный день. Завтра мне нужно будет ехать за мамой... снова».

Вернув пачку таблеток на место, я медленно побрёл к своей спальне. Голова гудела. Предвкушая освобождение от боли в виде лечебного сна, я начал перебирать ногами быстрее.

И тут я увидел, что дверь в ванную была приоткрыта, а за ней... светились зелёные глаза! Я с испугу отступил на пару шагов назад, после чего дверь ванной распахнулась и оттуда, вооружённая кухонным ножом, выбежала... ведьма! Это была самая настоящая ведьма, одетая в тёмно-серый, местами порванный балахон. Лицо её было изуродовано морщинами и складками, под глазами висели синие мешки, а нос

был неестественно длинный и острый. Пробежав по коридору несколько метров, ведьма превратилась в мою маму, но... безумную и не менее страшную, чем ведьма, благодаря своим горящим от ярости глазам. Нож в её поднятой руке ярко блистал под лунным светом.

– Это всего лишь сон!

Я развернулся...

– Я не верю!

И побежал...

– Этого не может быть!

Бежал быстрее...

– Её нет!

Вбежал на кухню...

– Это неправда!

Запер дверь...

– Всё это сон!

Забрался под стол...

– Господи...

Она стучит. Тук-тук, Денис.

– Господи, помоги мне! – прошептал я с хрипом и обхватил ножку стола обеими руками.

И вдруг перед глазами всё поплыло, все звуки приглушились, и вместо них в голове начала раздаваться колыбельная, которую мне мама напевала в детстве перед сном.

– Нет... снотворное... я не могу сейчас... уснуть, – шептал я, медленно закрывая глаза.

В голове начало раздаваться далёкое эхо: «Она ведь войдёт... ведь войдёт... ведь войдёт... ведь войдёт...»

Перед глазами появилась зловещая улыбка.

– Тук-тук, Денис!

Школьные разговоры, беготня, смех, звонки с уроков, громкие удары мячом по полу... и вот я стою в тёмном и пугающем переулке среди незнакомых мне трёхэтажных домов и старых ветхих сараев, закрытых на большие ржавые замки. Что я тут забыл, да ещё в такую темень (луна уже высоко висела надо мной)? Ах, ну да, я же шёл к своей бабушке после уроков в школе и решил сойти с главной дороги и срезать путь напрямик через переулки. Опять я, наверное, задумался по пути и забыл, где шёл. Ну ладно, бабушкин дом...

Я огляделся и понял, что это место совершенно не знаю. Мне эта часть села, состоящая из многоэтажек и сараев, всегда казалась лабиринтом, непроходимым лабиринтом, как множество спутанных друг с другом итальянских улочек. Я пошёл вперёд, всматриваясь в сумрак и пытаюсь взглядом выловить из него хоть что-нибудь знакомое. Но, увы, ничего вокруг я не узнавал.

Я старался идти по узкой протоптанной дорожке, разглядеть которую во тьме было делом нелёгким, однако вскоре, прищуриваясь и всматриваясь в землю перед собой, я понял, что уже давно с этой самой дорожки сбился. Я вернулся назад, чтобы попытаться её найти, но все мои усилия по её по-

иску были напрасны, и в отчаянии я ринулся вперёд, забросив все попытки высмотреть во тьме знакомые силуэты домов.

Тем временем мрак вокруг меня продолжал сгущаться. Казалось, что многоэтажки увеличивались в размерах, пытаюсь закрыть собой всё небо и луну, которая была единственным источником света и моим путеводителем. Этот тёмный лабиринт из домов, сараев, каких-то небольших каменных построек, заросших травой, безумно мучил меня и истязал. Я заходил в мрачные, всеми забытые тупики, в которых, казалось, уже давно никого не было. Прошло достаточно большое количество времени, когда наконец-то мне удалось выйти к... чему-то.

Я остановился и всмотрелся в свою находку, которая представляла собой довольно широкий тёмный тоннель, неизвестно как вросший в очень высокий, но не слишком широкий дом, весь исписанный граффити и не имевший ни одного окна. Этот дом никак нельзя было обойти, так как все дома как справа, так и слева от меня между собой не имели промежутков и в совокупности представляли собой длинный коридор, оканчивающийся как раз этим самым домом с тоннелем.

По телу пробежали мурашки только от одной мысли о том, что мне придётся пойти сквозь эту, казалось, бесконечную тьму и холод. И я понимал, что мне придётся это сделать, так как обратного пути у меня не было. Идти вновь че-

рез этот лабиринт из домов и сараев было бессмысленно.

Скрепя сердце, я медленно вошёл внутрь – моё тело и душа погрузились во мрак – и пошёл вперёд. В пути мне всё время приходилось пробираться через груды мусора, которого здесь было в избытке. Шуршание моих ног о пакеты и бутылки, а также топот ботинок отдавались от стен тоннеля и возвращались ко мне громким эхом. Я шёл и пытался поймать странный звук, который держался на кончике сознания. «Что это? Что раздаётся? Или, может быть, это всего лишь моё воображение?» – думал я. Но звук постоянно ускользал от меня, когда я пытался на нём сконцентрироваться.

Видимость была очень плохая, почти нулевая... и всё же мне как-то удалось заметить подрагивающий силуэт человека, выплывший из тьмы в нескольких метрах впереди. Человек был повернут ко мне спиной. Подойдя чуть ближе и присмотревшись, я понял, что это был мужчина, одетый в сильно потрёпанный и грязный деловой костюм. Руками он обхватил себя за плечи, ноги его были чуть согнуты в коленях, а сам он очень сильно дрожал, но при этом не издавал ни звука. Обойдя его стороной, я продолжил свой путь вперёд, при этом всеми силами удерживая себя от желания оглянуться и посмотреть мужчине в лицо. Я почему-то боялся увидеть в нём что-то такое, что тоже привело бы меня в состояние ступора.

Продвигаясь вперёд, я понял, что чем больше углубляюсь в тоннель, тем хуже начинаю видеть. Если рядом со стран-

ным мужчиной в костюме я ещё мог разглядеть мусор, валяющийся под ногами, то теперь мне не под силу было даже увидеть свои руки, которые я вытянул вперёд, чтобы ни во что не врезаться. Иногда мне казалось, что тоннель начинает медленно уходить вниз, под землю, что очень меня пугало. По сторонам начало что-то слышаться. Звуки походили на шорох и перешёптывания, однако достаточно мне было остановиться и прислушаться, как все звуки тут же исчезали.

«Может, это только моё разыгравшееся воображение?» – подумал я.

Я уже настолько углубился во мрак, что уже начал отчаиваться найти отсюда выход и появилась мысль повернуть обратно... хотя, если я так сделаю, то, скорее всего, вконец потеряюсь. Сразу же после того, как я об этом подумал, впереди, совсем недалеко от меня, появилась полоска света.

– Это... выход? Боже, это должен быть он, иначе я просто сойду с ума! – прошептал я и ринулся к источнику света, который оказался высоким уличным фонарём (неужели газовым?), стоявшим возле выхода из тоннеля.

Моему счастью не было предела, когда я понял, что выбрался из этого проклятого места, что снова могу видеть лунный свет, освещающий всё вокруг, включая каменные обшарпанные дома и... детскую площадку. Я удивился тому, что, выйдя из тоннеля, первым делом не обратил внимание именно на неё, ведь... она была мне знакома! И не просто знакома, как когда-то давно встреченное мною место, а

знакомы ещё с детства, когда я, ещё будучи маленьким ребёнком, в дневное время играл на ней, пребывая в гостях у бабушки. Вечерами обычно здесь собирались местные алкаши, молодёжь, любящая посидеть вечером в компании своих друзей и ещё какие-то непонятные личности, которых ни к первым, ни ко вторым причислить было нельзя, поэтому в вечернее время я сторонился этого места. Однако сейчас здесь не было никого, лишь только медленно покачивающиеся качели говорили о том, что на площадке совсем недавно кто-то был. Мне стало не по себе, так что я поспешил как можно скорее обойти это место. К тому же я как раз вспомнил, что от площадки до бабушкиного дома было совсем недалеко, и, с подозрением поглядывая на качели, которые всё никак не желали остановиться, я побрёл вдоль одного из заборов.

Войдя в подъезд, я окунулся во мрак, слегка развеянный лунным светом из окна на промежуточной площадке, которая находилась между первым и вторым этажами. Я резко дёрнулся и повернул голову, так как дверь за мной захлопнулась с громким стуком, а если учесть, что стенки в доме имели очень плохую звукоизоляцию и от них хорошо отскакивал звук в виде эха, так уж совсем оглушающе. Затем, скрепя сердце, я приступил к подъёму вверх. Когда до той самой промежуточной площадки мне осталось преодолеть всего две ступеньки, я остановился.

Ещё войдя в подъезд, я удивился, как неровно падает лунный свет на стену напротив окна, но всё же не придал этому особого значения. Практически поднявшись на промежуточную площадку, у меня перехватило дыхание от осознания того, почему свет падал так неровно. Всё дело было в... осах! В самых настоящих осах, чьё огромное, похожее на опухоль гнездо свисало с верхней части оконной рамы. Сами осы сидели друг на друге и образовывали тем самым огромную, противно жужжащую паутину из самих себя, которая закрывала собой практически всё окно. В затхлый подъезд свет просачивался только через небольшие промежутки между «нитеями» паутины.

Как можно сильнее прижавшись к перилам, я, заморожённо смотря на жужжащий рой, медленно преодолел оставшиеся две ступени, после чего начал подниматься дальше, на второй этаж, на котором как раз и была квартира моей бабушки. Несмотря на то, что я всё дальше и дальше удалялся от ос, их жужжание, наоборот, только усиливалось, и через некоторое время мне начало казаться, что они вот-вот ползут из моих ушей. Но когда я наконец добрался до второго этажа, жужжание в ушах прекратилось. Облегчённо выдохнув, я подошёл к двери в бабушкину квартиру и, постучав в неё, развернулся и прижался к соседской двери справа, чтобы продолжить наблюдение за очень беспокоящим меня роём ос. Я начал ждать, когда бабушка откроет мне дверь и пустит меня в свою квартиру, в мир спокойствия и безмя-

тежности. Я уже представлял, как бабуля согревает для меня чай, чудесный аромат которого мне никогда в жизни не забыть, после чего подаёт мне его со сдобными плюшками или с маковыми булочками. Ещё я представлял, как после чаепития бабушка укладывает меня в тёплую кровать и накрывает двумя – нет, тремя! – одеялами и как меня обволакивает целебный сон, который унесёт с собой все воспоминания о тех кошмарах, через которые мне сегодня пришлось пройти.

И после всех этих прекрасных грёз и мечтаний какое же сильное меня ждало разочарование – даже после пятого стука мне никто не открыл.

Я посмотрел в замочную скважину. Ключ был в замке, с другой стороны. Значит, бабушка в любом случае дома, но почему же она тогда не открывает?

Забыв про осторожность, я повернулся всем корпусом к двери и постучал ещё раз, а затем прислушался. Эхо моих ударов несколько раз отдалось от стен, после чего наступила гробовая тишина. Никто за дверью не зашаркал тапочками, спеша впустить меня в мир спокойствия и безмятежности. Отчаяние, которое в последнее время стало для меня преобладающим чувством, нахлынуло на меня с удвоенной силой, ведь идти обратно по тёмным улицам и проулкам села, которые ночью оставались практически без освещения, мне совершенно не хотелось.

Но полностью с надеждой я прощаться не собирался, так

что через полминуты я повторил попытку достучаться до бабушки. На этот раз ответ последовал, но не из её квартиры.

Сразу после того, как я вновь постучал в дверь, кто-то сделал то же самое, причём с такой же громкостью и частотой, как сделал я, за соседней слева. Я в испуге отскочил к перилам, а затем впился взглядом в темноту чуть левее бабушкиной двери, откуда раздались те странные звуки. Однако чем сильнее я щурился, стараясь разглядеть во тьме предмет своего любопытства, тем сильнее в глазах рябило, а в ушах усиливалось жужжание. Это заставило меня отлипнуть от перил и подойти ближе к двери под номером шесть, чтобы лучше её разглядеть. Приблизившись к ней на два шага, я тут же отшатнулся в испуге. Дверь передо мной была не деревянная и маленькая, как все двери в этом подъезде, а огромная и металлическая, привязанная к стенам с обеих сторон большими черными цепями.

«Как? Как я мог её не заметить, поднимаясь сюда?» – подумал я.

На месте дверного глазка в двери было маленькое прямоугольное окошечко, в которое мне со страшной силой захотелось заглянуть. Страшной – потому что такой невероятно сильный порыв напугал меня не на шутку, но я был не в силах ему противиться, и мои ноги медленно понесли меня к заветному окну.

Лунный свет становился всё слабее, будто рой ос, закры-

вающих окно, начал увеличиваться в размерах, однако я всё же не обернулся, чтобы это проверить. Всё моё внимание сковало манящее и одновременно пугающее окошко в двери, к которому я приближался. Мне ужасно хотелось заглянуть в него и узнать, кто стучал в дверь, и одновременно хотелось развернуться и побежать отсюда что есть мочи. Однако первое желание принадлежало не мне. Оно будто было навязано мне кем-то, и было причём намного сильнее второго, так что мне пришлось продолжить свой путь. Всё моё тело дрожало от страха, а из горла раздавался тихий стон.

Рывком преодолев последний метр, я заглянул в окно. За этой огромной металлической дверью я увидел узкий коридор, тянувшийся вперёд, с жёлтыми и закоптелыми обоями, пол которого был чуть ли не сплошь покрыт пустыми бутылками из-под пива, полиэтиленовыми пакетами и маленькими картонными коробками. В конце коридора я увидел дверной проём, за которым была комната. В комнате, а точнее, в той части, которую я видел, не было ничего, кроме кровати с серым матрасом да старого телевизора на стуле, и мусора в ней было значительно меньше, чем в коридоре. Откуда-то из глубины квартиры (там, возможно, были и другие комнаты) тихо доносилась спокойная джазовая музыка. Удивляло то, что никаких источников света ни в коридоре, ни в той части комнаты, которая мной просматривалась, не было, однако я без особого напряжения мог видеть и рассматривать всё внутреннее убранство.

«Наверное, глаза уже привыкли к темноте», – подумал я.

И вдруг по комнате в конце коридора кто-то пробежал. Я испугался, но всё же не отвёл взгляд, а, наоборот, приблизился к окну, подталкиваемый тем же самым навязанным мне любопытством. В помещении стояла тишина (где же джазовая музыка?), которая звенела в моих ушах похлеще любого жужжания. Наверное, мне было бы спокойнее, если хоть что-нибудь раздавалось. Но нет, тишина стояла просто гробовая. Из-за неё у меня в ушах стоял белый шум, как на каналах с профилактикой оборудования.

– Мле-е, – промычал кто-то из глубины квартиры, и я затаил дыхание.

Через долю секунды из дальней комнаты в коридор выбежал какой-то очень худой мужчина, голый по пояс. Истошно вопя, он подбежал к окошку и принялся смотреть на меня своими красными от безумия глазами. Расстояние от моих глаз до его равнялось всего лишь несколькими сантиметрам. Безумец завопил и принялся долбить кулаками в дверь, да так, что одна из цепей тут же порвалась.

Всё это произошло за три с лишним секунды.

Не знаю, что случилось с моими связками, но завопить от страха я не смог. Единственное, что я смог, так это удивлённо вздохнуть и отскочить к перилам. Затем, подстёгиваемый адреналином, я, будучи полностью уверенным в том, что цепи на двери не выдержат, побежал вниз по лестнице, от страха перед этим сумасшедшим даже позабыв об осах.

Единственное, что я сейчас хотел, — выбраться из этого проклятого места и бежать куда глаза глядят, да так быстро, чтобы этот психопат остался далеко позади. И я бежал, точнее, спешно спускался, не замечая из-за ударившего по вискам адреналина, что вниз спустился уже не на один этаж. И не на два. Но лестница заканчиваться не собиралась.

Тем временем сверху продолжали раздаваться стуки в дверь, вперемешку с громкими, доходящими до хрипоты, воплями полуголого психа. Когда я спустился уже примерно на пять этажей вниз, раздался грохот, за которым последовали шлепки.

«Он уже выбрался! И теперь он... гонится за мной!» — пронеслась мысль у меня в голове.

Это заставило меня ускориться, хотя я и так уже бежал сверх того, на что был обычно способен. Перед глазами мелькали совершенно одинаковые этажи, и я был уверен, что номера квартир на них повторялись, просто из-за бешеного темпа и ударившего в голову адреналина я не мог в этом убедиться.

Шлепки тем временем становились всё громче, как и злобное рычание. Это заставило меня прийти к выводу, что если эта лестница в скором времени не закончится, то он меня догонит. Взяв всю свою волю в кулак, я притормозил на одном из этажей, выбил плечом с одного удара первую попавшуюся дверь и побежал по какому-то замусоренному и тёмному коридору, схожему с коридором за железной две-

рю. В квартиру секунд через десять, злобно и безумно крича, вбежал псих и на огромной скорости ринулся за мной. Я же, прорываясь ногами через горы бутылок, коробок и пакетов, которые по какой-то причине совершенно не беспокоили догоняющего, сильно сбавил в скорости, которой и так было недостаточно, чтобы убежать от психопата. На меня тут же нахлынула огромная волна отчаяния, а затылок и копчик заболели, предчувствуя надвигающуюся опасность.

– Я должен проснуться! Я должен проснуться! – прохрипел я в истерике.

«Ведь войдёт... ведь войдёт... ведь войдёт... – послышалось в моей голове, после чего из глубин подсознания раздался мой собственный приглушённый голос: – Так всё это был сон?»

Сумасшедший был в нескольких метрах от меня. Почувствовав это, я сильно зажмурился и увидел, как перед глазами поползли красные нити.

Последнее, что я почувствовал, так это лёгкое, но очень неприятное прикосновение к затылку.

Тук-тук, Денис!

– А? Что? – прохрипел я.

Я чуть приподнялся, а затем снова лёг и зачесал макушку, так как ударился ею об стол. Голова болела ужасно, спать тянуло немерено, но, преодолев сильнейшее желание закрыть глаза и снова погрузиться в сон, я выбрался из-под стола и

приподнялся. Слабость и сонливость были такие, что сообразить что-то, а тем более вспомнить, как я тут оказался, для меня в тот момент было практически невозможно. Единственное, что я знал, так это то, что находился в огромной опасности и что дверь из кухни открывать не следует.

Я обессиленно опустил на стул, затем наклонился к столу, поставил на него локти и подпер тяжёлую голову руками. Сонливость накатывалась на меня волнами. Каждая новая волна была сильнее предыдущей, но я держался, не позволяя сну утопить меня в забвении. Мне нужно было собраться с мыслями, нужно было вспомнить всё, что со мною произошло. Но достаточно мне было лишь попытаться, как голову тут же пронизывала острая боль, а глаза от усталости начинали закрываться.

«Ведь войдёт... ведь войдёт... ведь войдёт... ведь войдёт», – в очередной раз раздалось в голове.

Оставшаяся во мне энергия тут же нахлынула на меня, и, раскрыв глаза, я вскочил из-за стола. Сердце стало стучать учащённо, страх чёрным туманом заполнил всю мою голову и разогнал сон, который какое-то время там властвовал. Воспоминания вылетали из глубин подсознания, подобно острым копьям, и вгрызались мне в виски и в жилки над бровями. Я вспомнил всё, что со мною произошло. Ну или почти всё, я точно не мог сказать. Однако, что странно, в дверь сейчас никто не стучит, и никто не пытается её выломать. Кроме тихого жужжания морозильника, ничего вообще не

было слышно.

Я осторожно отпер дверь, после чего приоткрыл её и выглянул в коридор. Там не было никого. Затем я снова заперся, вернулся к столу и попытался собраться с мыслями.

— Так, что мне нужно... — прошептал я, нагнувшись очередной круг по кухне. — Ну давай же, соберись! — Я дал себе звонкую пощёчину и, поддавшись чувству, сел за стол, но через три секунды вновь встал из-за него. — Так! Мне нужно...

В голове тут же выплыло имя... и номер. Номер, который я учил наизусть, чтобы можно было его набрать с ближайшего доступного телефона, если произойдёт что-то плохое с мамой.

— Да, нужно ему позвонить. Доктору, который к маме поставлен. Он приедет и со всем разберётся. Да... разберётся. И не нужно поднимать из-за этого шум. Это всего лишь обычный приступ, ничего более.

Однако приступ был далеко не обычный, просто я не хотел этого признавать. Если бы такое случилось и раньше, то маму ни за что бы не оставили на домашнее лечение. И... кто мог подумать, что может случиться... подобное? Но, несмотря на очевидные факты, говорить себе, что приступ всё же необычный, я не хотел, и достаточно было мысли на эту тему забрести мне в голову, как я её тут же отгонял.

Итак, у меня была цель: добраться до телефона, который лежал у меня в спальне. Я, конечно, отказывался верить в то, что приступ был необычный, но я всё же принял во внимание

то, что мама была не в себе, что она вооружена («это всё из-за стресса, вызванного переездом», – подумал я), и главное – что она, скорее всего, сидит в засаде, выжидая того момента, когда я выйду из кухни.

Я искоса посмотрел на стойку для ножей. По телу пробежала дрожь.

Кухню и мою спальню разделяло несколько шагов, пусть и больших. Я решил для начала просто отойти от кухни на безопасное расстояние, а потом, когда полностью удостоверюсь в безопасности своего маршрута, перебежать в спальню. План всего этого действия был прост, как пять копеек: если мама в моей спальне, то я бегу обратно, а если где-то ещё – в зале, например, или в комнате напротив моей спальни, – то действую по ситуации, в зависимости от того, где именно она находится и докуда я уже успел добраться. План был не идеальный, конечно... хотя что душой кривить – он был ужасен. Но досконально всё продумывать и просчитывать возможности времени не было, ведь если я не поспешу, то, скорее всего, отключусь, а за время моей отключки мама, возможно, придумает всё-таки способ, как сюда войти. В конце концов, она может банально выбить дверь... и странно, что она ещё это не сделала. Даже если звук каким-то образом пройдёт сквозь звукоизоляционные стены, соседи всё равно не успеют прибежать, вышибить входную дверь и спасти... Господи, как же я устал! Каждая новая мысль... сра-

зу... по прибытии... будто... молотом бьёт мне по мозгам. Как же я хочу... спать!

Подавив очередное желание уснуть, я медленно приоткрыл дверь, выглянул в коридор и, убедившись, что там всё ещё никого нет, покинул кухню. Сделав это, я направился к вешалке для верхней одежды, с зоны возле которой просматривался и конец коридора, и часть зала сквозь приоткрытую дверь. На цыпочках подойдя к залу на несколько шагов, я заглянул в него. Там не было никого. По крайней мере, с того места где я стоял, мне никого не было видно. И если кто-то захотел бы напасть оттуда, то, как я думаю, он бы это уже сделал.

Глубоко вздохнув, я направился к концу коридора. Доски подо мной предательски скрипели, к тому же очень громко, если учесть, что в квартире стояла просто гробовая тишина. Добравшись до двери в ванную, я заглянул в мамину спальню, расположенную слева. Там тоже никого не оказалось. Сердце застучало чаще. Что-то мне подсказывало, что мама спряталась в моей спальне – я чувял это, – и на несколько секунд мне даже показалось, что за дверью раздавались тихий скрежет и громкое дыхание. Но поворачивать назад было бессмысленно... да и не было сил. Я и не мог предположить, что усталость с такой силой навалится на меня, когда я доберусь сюда. Голова практически не соображала, глаза закрывались, ноги подкашивались. Теперь выбора у меня точно не было.

Приоткрыв дверь, я на пару секунд выглянул из-за неё, чтобы осмотреть комнату. Вроде никого не было видно, хотя я не был уверен, что мама не пряталась где-то, выжидая подходящего момента для атаки. Однако боль в висках заставила меня позабыть о сомнениях, пусть для них и была весомая причина. Я вошёл в спальню, которая оказалась... и впрямь пуста.

«Где же тогда...» – загорелась мысль у меня в голове и сразу же потухла.

Пульсирующая боль в висках тут же заставила меня отказать себя развивать эту мысль, и, закрыв за собой дверь, я подбежал к тумбочке и принялся её обшаривать. Мне нужен был телефон, только он. Не найдя его там, я вскочил с пола и схватился за голову.

– Так... где же... – сказал я, после чего кинулся к столешницам, перевернул всё их содержимое вверх дном, при этом сильно прищуриваясь, так как сквозь пелену перед глазами мне было очень трудно что-то разглядеть. Там я тоже ничего не обнаружил. Затем я обшарил шкаф, прополз на четвереньках, осматривая каждый дюйм пола, а также посмотрел под кроватью и под рабочим столом. Поиски закончились моим громким провалом. Я плюхнулся на кровать, но затем тут же с неё встал, боясь заснуть.

– Что за чертовщина?! – прохрипел я в отчаянии. – Неужели мама его забрала?

Сейчас в голове моей, конечно, работала всего одна изви-

лина, но и её хватило, чтобы прийти к другому выводу, не менее пессимистичному. Убито опустив голову, я его озвучил:

– Лунатизм... конечно! Этот грёбанный лунатизм!

Я со злостью ударил по кровати ногой, после чего тут же сел на неё и схватился за голову.

– Ну зачем я вчера снова положил его сюда? Он мне был уже не нужен, так зачем?

И тут... пелена перед глазами начала сгущаться сильнее, а откуда-то из глубин подсознания стала раздаваться мелодия: «Тири-ти, тири-там, тири-ти, тири-там».

– Что... происходит? Откуда... эта мелодия?

«Ты устал, мой дорогой. Закрывай глазки и спи. И спи-и-и-и», – прозвучал в голове тихий и спокойный мамин голос.

Голова машинально опустилась на подушку. Веки медленно и спокойно закрылись. В голове тихо заискрилась последняя, прощальная мысль, которая несколько не нарушила мой покой: «Ключи от всех дверей висят на кухне».

– Главное, что ты должен знать, – что за чем идёт, – прозвучал грубый мужской голос. – Сначала из воды на несколько секунд выныривает Кцея́тл, после чего из Колодца начинает выпрыгивать «чёрная вода». Она самая опасная в этой игре, запомни. Чтобы победить, ты должен знать и понимать правила. Как только с «чёрной водой» будет покончено, цикл повторится.

Белая вспышка ослепила меня, но на время, и как только эффект от неё в достаточной степени прошёл, я увидел, что нахожусь в практически пустой комнате. Ну как пустой: в центре не было совершенно ничего, а вот вдоль стен, которые были обклеены зелёными обоями, в нескольких местах ободранными, шли длинные, но не особо высокие книжные полки, до отказа набитые книгами. Пол комнаты был устлан очень толстым ковром с красивым хохломским узором, а потолок был похож на натяжной. Впереди, в нескольких метрах от меня, был выход из «библиотеки» – красивые распахнутые двойные двери, по виду из очень дорогого дерева. Обернувшись, я понял, что в комнате нахожусь не один: в ней были ещё и мои родители! Я не знал, как они здесь оказались... да и, честно говоря, меня это совершенно не интересовало, и их присутствие не удивило меня нисколько. Однако они, напротив, довольно ярко выражали свои эмоции: с раскрытыми ртами озирались по сторонам, как люди, которые оказались в совершенно невозможном и удивительном месте. Для меня же окружение не представляло такого интереса, как для них.

Я подошёл к ним, и на моём лице расцвела приветливая улыбка:

– Здравствуйте... а-а... где мы вообще, не знаете?

Они опустили головы, посмотрели на меня. Судя по их удивлённым лицам, заметили они меня только что.

– Не знаю, Денис, – прошептал отец, снова приступив к

осмотру комнаты (в которой, на самом деле, практически нечего было рассматривать). – Но место знакомое, очень знакомое. Я будто уже бывал здесь раньше.

И тут со стороны распахнутой двойной двери слышался громкий треск, будто кто-то с такой силой ударил по доске, что та сразу треснула или даже разломалась. Мы все вместе побежали туда. Покинув эту комнату, мы попали в другую, более странную, чем первая. Начать можно с того, что она абсолютно вся была сделана из дерева, а её стены – из брёвен, как у избы. Выйдя из прошлой комнаты, мы с родителями оказались на небольшой прямоугольной площадке, по левую и правую стороны которой брали начало дугообразные лестницы, уходящие вниз. Со второго этажа комнаты прекрасно было видно платформу первого, которая была довольно большой, но практически пустой, если не считать пары вещей. Эти вещи... они были довольно странные, особенно в такой обстановке. Во-первых, на этаже ниже возле дальней стены в полу был выбит... колодец или типа того, наполненный до краёв водой, хотя, скорее, он напоминал прорубь, только не во льду, а в деревянном полу. Рядом с колодцем к стене была прислонена огромная деревянная крышка, имеющая посередине небольшое отверстие. Также рядом со всем этим, но только чуть правее, на стене висел открытый электрический щиток. В описание второго этажа, на котором мы ещё пока находились, можно добавить то, что возле двойной «библиотечной» двери была ещё одна, другая,

но, обратив на неё внимание в первый раз, я практически тут же про неё забыл.

Откуда-то начал раздаваться тихий церковный хор, и мы начали спускаться вниз, держась за перила лестницы. Все молчали.

Когда мы добрались до самого низа, я осторожно подошёл к колодцу и посмотрел в воду. Она была мутная и немного беспокойная. На её поверхности гуляли маленькие волны, хотя ни ветра, ни чего другого, что могло бы вызвать их, не было. Мы с родителями подошли к колодцу практически на носочках, так что версию того, что причиной волн послужили наши шаги, я сразу же исключил.

Подняв голову, я посмотрел на деревянную крышку, затем перевёл взгляд на щиток. Какие-то неясные и странные мысли и идеи начали образовываться в моей голове, однако они тут же развеялись, когда прозвучал оглушающе громкий рык.

Я сделал шаг назад, и через несколько секунд пол под ногами задрожал, а из воды вылезла морда огромного и ужасного чудовища, похожего на крокодила. Морда затем так же неожиданно и быстро скрылась под воду.

Мы с родителями в ужасе отступили к ступеням лестницы, после чего остановились, не в силах от страха сдвинуться больше с места. Не знаю, как мама и папа – они стояли позади меня, – но я замороженно смотрел на тихо покачивающиеся волны на поверхности воды, ожидая того, что будет

дальше.

— Что за... — успел только произнести я, как тут из воды поочерёдно начали выпрыгивать маленькие чёрные червячки.

Немного побарахтавшись на деревянном полу, червячки поползли к нам, причём на неестественно большой скорости. Откуда-то раздались громкие звуки скрипки, которые пробудили меня от ступора, и я в испуге начал подниматься по ступенчатой лестнице. Эти червячки по какой-то причине напугали меня в несколько раз сильнее, чем чудовище с разинутой пастью, и что-то внутри подсказало мне, что этих существ касаться не следует, иначе, как я чувствовал, произойдёт что-то ужасное.

Добравшись до лестницы, червячки нисколько не замешкались и продолжили подбираться к нам, забираясь по ступенькам с такой же скоростью, с какой они ползли по ровной поверхности. И вдруг по обе стороны от меня навстречу чёрным существам побежали мои родители, вооружившись откуда-то взявшимися лопатами. Стараясь не приближаться слишком близко к настигающей нас чёрной волне, они, вытянувшись вперёд, давили червячков, с силой опуская лопаты на их крошечные тельца. Через некоторое время лопаты покрылись внушительным слоем чёрной жижи, будто существа состояли из смолы или мазута.

Я вбежал в «библиотеку», развернулся лицом к двери и увидел лопату, одиноко прислонённую к стене возле угла.

Откуда взялись все эти лопаты – загадка. Раньше их тут не было, это точно.

Тут же забросив попытки ответить на этот вопрос (тем более наличие лопат на самом деле меня не особо удивляло), я подбежал к углу, схватил лопату обеими руками и уже было собрался побежать к лестнице на выручку родителям, как вдруг они вбежали на полной скорости в комнату и при этом почему-то не закрыли за собой дверь.

Времени исправлять их ошибку не было, так что я последовал примеру родителей и начал отступать назад, к противоположной стене. Через несколько секунд червячки достигли «библиотеки» и поползли по ковру, при этом ещё больше ускорившись. Отступать нам уже было некуда: расстояние от нас до задней стены стало не больше трёх шагов. И тогда, сжав деревянный черенок лопаты сильнее, я пошёл вперёд, подгоняемый нахлынувшим адреналином. Замахнувшись и с силой опустив лопату, я раздавил сразу двоих существ, останки которых нависли после этого на моём оружии в виде чёрной жижи. Началось сражение. Зрение, как назло, начало отказывать мне, так что обозревать всё поле боя я не мог. Слева и справа от меня начал раздаваться металлический звон, подтверждающий, что родители тоже вступили в схватку. Я вовремя уклонялся от резких рывков врага, который, похоже, желал вступить со мной в пока неясный мне контакт, и со всей силы опускал на тварей лопату, стараясь, самое главное, не подпускать их близко к себе. И тут, уда-

рив в один момент своим орудием, я не убил червяка, а, наоборот, случайно подсадил его на штык, и тот, воспользовавшись моей промашкой, пополз ко мне по лопате. Я испугался не на шутку и принялся смахивать его оттуда рукой... и тут произошло то, чего я не ожидал: чёрное существо прилипло к моей руке и начало «всасываться» в неё, подобно червяку, уползающему под землю. Я уронил лопату и попытался вытащить его из левой руки правой, пока паршивец не залез вовнутрь, но тот оказался таким скользким, что мне это не удалось, и червяк через секунды две полностью всосался в мою руку. Прошло ещё несколько мучительно долгих секунд, и я почувствовал, как что-то внутри меня начало ползти вдоль предплечья, и, добравшись до плеча, поползло внутри шеи к голове.

«Он же... ползёт к моему мозгу! – мысленно воскликнул я. – Что же он хочет сделать?»

Пока я разбирался с первым червяком, ещё один подполз к моей ноге и вцепился в щиколотку. Это произошло в тот момент, когда первое существо начало ползти внутри моей щеки. За секунду приняв решение, я, вместо того чтобы попытаться вытащить второго червяка, схватил с пола лопату и начал отбиваться от напавшей на меня чёрной тучи.

«Мне всё равно не удалось бы его вытащить, – подумал я. – Единственное, что я сейчас могу, – не позволить другим тварям до меня добраться».

Однако так ли важен был сейчас мой выбор, ведь этим

бестиям вполне могло быть достаточно двух своих представителей, чтобы осуществить свой замысел, непонятный для меня? Я не мог дать ответ на этот вопрос, как и на многие другие, и мой разум погрузился в пучину страха, смешанного с отчаянием. И вдруг мою правую щёку пронзила сильная пульсирующая боль, и, прикоснувшись к ней, я ужаснулся: она раздулась так, словно её покусал целый рой пчёл. В щеке что-то шевелилось, и я знал подсознательно, что если срочно от этого не избавлюсь, то участь моя будет ужасной. Так как я находился в отчаянии и мог сделать абсолютно что угодно ради своего спасения, я вцепился в опухоль ногтями и выдавил – нет, скорее вырвал – из неё странную рыбку, похожую на пиранию, только намного более худую и имеющую вместо плавников тонкие длинные жгуты. Шипя от боли, я откинул это ужасное создание в сторону, и через секунду на ноге образовалась такая же опухоль, с которой я расправился точно так же, как и с первой. Станным было то, что крови не было вообще. Когда я выдавливал этих маленьких чудовищ, вместе с ними из опухоли вырывалась только жёлтая жижа, схожая с гноем.

Из-за сильной боли мне на глаза налезла пелена, сквозь которую видно было лишь расплывчатые очертания, но, несмотря на это, я продолжил отбиваться от стаи червяков, при этом всё время прищуриваясь, чтобы иметь возможность различать сквозь белёсую пелену крошечные чёрные пятнышки. Не знаю, сколько продолжался бой, но закончил-

ся он очень резко и неожиданно.

Пелена спала, и я теперь мог разглядеть место побоища, которое, что удивительно, было довольно чистым. Родители стояли возле двойных дверей и выглядывали на лестницу слева. Я подошёл к ним и также выглянул за дверь: ни на платформе, ни на лестнице не осталось больше чёрных существ. Обменявшись взглядами, мы начали медленно и осторожно спускаться по лестнице. Остановившись на третьей ступени на несколько секунд, мы осмотрели нижний этаж и, не увидев и там червяков, продолжили свой спуск к колодцу, вода в котором на этот раз бурлила и пенилась.

«Это всего лишь игра, – пришла мне в голову мысль, произнесённая мужским деловым голосом. – Нужно понять её правила, иначе победы тебе не видать».

И сразу после этого из бурлящей воды вновь вырвалось то ужасное чудовище, похожее на крокодила, а затем точно так же быстро и неожиданно скрылось под воду. Когда дрожь в земле немного утихомирилась, я поднял голову и стрельнул глазами на деревянную крышку и на электрический щиток. Решение пришло моментально.

– Пап! – крикнул я и махнул рукой своему отцу. – Помоги мне, пожалуйста, перетащить вот... да, вон то!

Мы спустились с лестницы, добрались до стены, после чего подняли здоровенную крышку и закрыли ею колодец. Однако дело было ещё далеко до своего завершения. Проблема

была в этой небольшой дырочке в середине крышки, через которую червячки, которые, по идее, должны следовать за крокодилом, вполне могли выбраться наружу.

Выполнив первую часть задания, я подбежал к открытому щитку, схватился за провод (до этого, разумеется, убедившись, что рычаг был поднят) и попытался поднести его конец к колодцу. К несчастью, мне это не удалось: проводу сильно не хватало длины. Когда я это осознал, на меня тут же нахлынул страх, который передался и моим родителям.

– Что случилось? – спросила мама, подойдя ко мне ближе.

Я молчал, стараясь понять, чего же от меня хотят. Мне казалось, что я что-то забыл, какую-то важную деталь... И вдруг пол под ногами задрожал, будто бы говоря: «Часики тикают, дружище. Времени у тебя в обрез». В голове всё спуталось из-за страха и напряжения, однако я всё же постарался собраться и мысленно облетел оба этажа «избы», включая и «библиотеку». И тут перед моим внутренним взором всплыла картинка: деревянная, небрежно покрашенная в красный цвет дверь на втором этаже, помещение за которой мы с родителями так и не осмотрели.

Я открыл глаза.

– На второй этаж, быстрее! – крикнул я и кинулся к лестнице.

Родители последовали моему примеру, однако, когда случилось то, чего я так боялся, мы даже не успели добежать до первых ступеней. На полпути к лестнице я обернулся на

громкий треск и увидел, что крышка на колодце начала ходить ходуном.

«Снова "чёрная вода", — подумал я. — Нужно поспешить, иначе в этой игре нам не победить».

Вновь повернувшись, я начал взбираться вверх по лестнице. Когда мы преодолели примерно половину пути, сквозь маленькую дырочку в деревянной крышке снова начали выпрыгивать червячки, но на этот раз они так высоко подлетели, что их часть упала на втором этаже. Мы попали в окружение. Чёрные существа, очухавшись после падения, поползли к нам с двух сторон, так что нам пришлось остановиться и принять бой.

Естественно, справиться с теми, кто лез сверху, было труднее, но их, к счастью, было меньше, чем тех, кто упал на первый этаж. Когда на лестнице между нами и вторым этажом образовалась брешь, я шмыгнул в неё и побежал к таинственной двери.

Дверь открылась без особых претензий, хоть и с громким скрипом. Комната, которая предстала предо мной, походила на подсобку. Стены помещения были из серого камня, частично заросшего мхом, а освещено оно было небольшими свечками, висящими на стене, и шандалами, стоящими на запылённом длинном стеллаже. Стеллаж находился ровно посередине комнаты и был заполнен всяким барахлом. Прислонив лопату к стене, я схватил один из шандалов и принялся осматривать полки на предмет того, что мне мог-

ло пригодиться для решения загадки. На полках в основном лежали завернутые в рулон ковры и покрывала, а также какие-то склянки, заполненные чёрт знает чем. Всё это, естественно, было покрыто внушительным слоем пыли и паутины. Не успел я осмотреть первый ряд полок, как сзади послышался звон металла. Я обернулся и увидел, что родители отступали к «подсобке» и до неё им оставалось всего несколько метров. Мне нужно было поспешить, пока «чёрная вода» не хлынула сюда.

Моим поискам мешали две вещи, одна из которых сильно преобладала перед другой. Первая: громкий звон со стороны лестничной площадки, который сильно отвлекал меня от поисков. Вторая, которая как раз и была преобладающей, – странная серая муть перед глазами, из-за которой мне всё время приходилось щуриться, чтобы иметь возможность хоть что-то разглядеть на этих тёмных и грязных полках.

Во время поиска я часто натыкался на чёрных пауков неестественно больших размеров, которые копошились на полках среди ковров и склянок. Завидев меня, пауки бросали свои дела и быстро уползали во тьму, так что я успевал замечать только их идеально круглые брюшки.

Покончив с пятью рядами, я обежал стеллаж справа и начал осматривать другую его сторону... и в этот момент родители вбежали в комнату. Они отбивались от огромной волны червяков, которых было настолько много, что некоторые налезали друг на друга в надежде подобраться к желанным

целям как можно ближе. Смотря на то, как мама и папа сражаются с чёрными существами, мне сильно захотелось кинуться к двери и помочь родителям, но мысль, что в таком случае мы никогда не решим загадку, потому что не найдём недостающий элемент, заставила меня отвести взгляд и продолжить своё дело.

Теперь появилась новая помеха – желание всё время знать, как обстоят дела у родителей. Позволяя себе отвлекаться на битву в дверях, я тем самым терял драгоценные секунды, которые должен был, по идее, тратить на решение загадки. Весь в пыли и паутине, я продолжил перебирать склянки и ковры, при этом искоса поглядывая на неосмотренные полки, которых оставалось уже совсем немного. И тот факт, что стеллаж заканчивался, а нужная мне вещь была ещё не найдена, медленно, но верно топил меня в отчаянии. Я невольно сглотнул и почувствовал, как по затылку прошёлся холод.

«Этой детали просто негде ещё быть! – подумал я. – Она либо в этой комнате, либо её вообще не существует. Может... я её просто пропустил? Немудрено, если учесть, сколько тут навалено различного барахла. И что мне теперь, начинать всё по новой, если я дойду до конца стеллажа и не найду её? Это же займёт целую вечность! К тому же родители долго не смогут сдерживать натиск "чёрной воды", так что...»

Несмотря на все волнения, я продолжил своё дело, ста-

раясь осматривать последние полки тщательнее, чем остальные. Зрение тем временем с каждой секундой всё ослабевало, и через некоторое время мне пришлось начать каждую найденную мною вещь подносить к глазам, чтобы хоть как-то её разглядеть. И тут, сунув руку между свёрнутым в рулон ковром и старой чёрной вазой, я нащупал... нечто странное. Нечто, совершенно не похожее на остальной хлам, что попался мне во время поисков. Достав свою находку, я прищурился и поднес её, как и все остальные вещи до этого, ближе к глазам. Странная вещь вся была в паутине и походила на маленький клубок... чего-то, я не мог понять, чего. Слегка отчистив его от пыли и подозрительно толстой паутины, я ещё раз в него взгляделся, и через секунду мои глаза раскрылись шире от удивления, а отчаяние, которое до этого властвовало в моём сознании, начало постепенно покидать меня. В моих руках лежали провода.

«Провода... конечно! – мысленно воскликнул я. – Именно они мне и нужны. Так... один конец провода привяжу к обрубку в щитке, другой опущу в колодец, просунув его сквозь дырку в деревянной крышке. Затем я опущу рычаг... и сожгу тем самым всех тварей в колодце к чертям!».

Выглянув на этот раз из-за стеллажа, я увидел, что чёрных существ благодаря стараниям родителей стало значительно меньше.

«Когда мы избавимся от оставшихся червей, то сможем спуститься вниз и осуществить задуманное», – подумал я.

Поставив шандал на место и положив провода в карман джинсов, я кинулся искать лопату, чтобы с ней помочь родителям в схватке. Однако на том месте, где я, по идее, её оставил, её не было. Лопата как сквозь землю провалилась. К счастью, родители спокойно справились и без моей помощи. Посвятив их в свой план, я со всех ног кинулся к лестнице. Но как только я коснулся первой ступени, произошло нечто такое, что полностью разрушило мои планы: морда огромного чудовища вылезла из воды и тем самым разломала деревянную крышку, а вместе с ней все оставшиеся шансы на спасение. Несмотря на то, что мне не совсем была понятна её роль в этой игре, эта потеря погрузила меня в такое глубокое отчаяние, что надежда выбраться отсюда в один миг во мне угасла, и, поднявшись снова на платформу второго этажа, я упал на колени и разрыдался. Родители смотрели на меня с непониманием. Выражения их лиц будто говорили: «Тебе пять лет, что ли, чтобы реветь над такими пустяками? Твои слёзы ничем тебе не помогут!». Всё это время мне казалось, будто они знают об игре куда больше, чем я. Будто они знали, как решить эту загадку, но не говорили мне, а просто ожидали, когда я сам дойду до этого решения. У меня, конечно, не было сомнений, что они такие же пленники игры, как и я... просто многое в их поведении мне было непонятно.

Папа подошёл к краю платформы и, облокотившись на перила, начал с удивительным спокойствием смотреть на то, как щепки от деревянной крышки разлетались во все сторо-

ны.

Как только всё слегка утихомирилось, откуда-то начал громко раздаваться похоронный хор, и из мутной воды колодца стали выпрыгивать маленькие чёрные существа. В полёте они догоняли друг друга, касались своих сородичей и сливались в единое целое. К тому времени, как червяки поравнялись с нами, они успели слиться в одного огромного чёрного червя... которого в свои руки поймал отец! Следя за огромным летящим существом, я и не заметил, как папа отошёл от перил и вытянул руки вперёд, навстречу чёрной твари.

Поднявшись с пола, я кинулся к отцу, и когда я пробежал уже половину пути, он медленно повернулся к нам лицом. На этом лице... не было совершенно ничего. Ни одного чувства. Испугавшись этого пустого взгляда, я остановился, не добежав до отца всего несколько метров, и опустил глаза на его руки. Червь уже практически полностью в них всосался.

Отлипнув взглядом от его почерневших рук, я оглянулся на маму. Она так же, как и я, замороженно смотрела на отца, и также, судя по взгляду, была в отчаянии из-за осознания своей беспомощности. Единственное, что мы могли, так это стоять и смотреть, ожидая того, что произойдёт дальше. И мы ждали.

Отец тем временем продолжал спокойно смотреть на нас обоих, иногда добродушно улыбаясь, будто мы его только что удачно разыграли. Через несколько секунд он начал по-

крываться фиолетовыми пятнами, на которые, как и на всё остальное, отец не обратил никакого внимания, а затем вдруг ни с того ни с сего взял и раздулся до огромных размеров. И тут я по-настоящему испугался. Только сейчас я понял, насколько пренебрежительно относился к родителям и как они, напротив, сильно любили меня. Они были готовы пожертвовать всем, включая и свои жизни, ради моего спасения. Однако сделал бы я то же самое ради них? Смог бы поставить на кон свою жизнь ради их жизней?

«Нет», – раздался шёпот в моей голове.

Это шептал маленький, убитый человечек, запершийся в кладовку своего подсознания.

«Нет», – повторил он, и по моей щеке прокатилась слеза.

Заплакал я оттого, что был бессилен, что был слаб и что понял всё лишь только тогда, когда было уже поздно. Отец был на грани жизни и смерти... и вот сейчас мне стало по-настоящему страшно.

Папин живот тем временем продолжал раздуваться. Если сначала он был просто большой, как у людей, болеющих ожирением, то секунд через десять он стал неестественно большим, и голова отца в сравнении с животом стала походить на горошину на огромной бочке. Однако самого папу и этот факт не особо волновал – точнее, волновал, но... в другую сторону. Смотря на наши удивлённые и испуганные лица, отец смеялся, причём смеялся так добродушно, что мне захотелось зареветь от отчаяния.

– Всё нормально, всё нормально, – повторял он, хотя мы с мамой понимали, что ничего нормального в происходящем нет.

Однако вздутие – это только начало. Я это прекрасно понимал, как и то, что за ним должно пойти что-то такое, что было куда хуже вздутия.

«Он... взорвётся! И я никак не смогу его от этого спасти! – пришла мне в голову ужасная мысль».

Я не хотел на это смотреть, но не мог отвести взгляд от огромного живота отца. Папа смотрел на нас и изредка поворачивался из стороны в сторону, будто красуясь перед нами своим животом, и продолжал добродушно улыбаться. Через несколько секунд он уже не сможет никогда этого делать, и этот факт пугал меня больше всех остальных.

– Нет! Пожалуйста! Я не хочу здесь находиться! Выпустите меня!!! – истерически прокричал я и ударил кулаком об стену.

И вдруг на глаза начала с пугающей скоростью наплывать чёрная пелена, красные дорожки поползли внутри моих зрачков, и в следующий миг покрывало забвения накрыло меня с головой.

«Мы скоро придём! Жди нас к чаю, Денис! – прошипел незнакомый женский голос в голове.

Как только сон выпустил большую часть моего сознания из своего царства, я вскочил с кровати. Глаза раскрылись по-

что сразу после пробуждения, но само зрение вернулось не в то же время – чёрная рябь, вибрирующая в зрачках, какое-то время закрывала мне весь обзор. Когда рябь немного отошла, я громко шикнул и, схватившись за голову, упал на колени: виски пронзила ужасная боль. Мне показалось, что меня сейчас вырвет, но этого, к счастью (или к сожалению – по крайней мере, после этого мне могло, возможно, стать легче), не произошло. Чёрная рябь то снова накатывалась на мои глаза, то отступала, но каждое такое накатывание сопровождалось сильнейшей болью в висках и в жилках над бровями. Когда боль немного прошла, я прислонился головой к кровати и тяжело выдохнул. Спать не сильно хотелось, хотя сон, неизвестно сколько длившийся, от этого желания до конца меня не избавил. Параллельно моему приходу в сознание в моей душе начало усиливаться странное чувство, из-за которого на сердце с каждой секундой становилось всё тяжелее. Это был страх.

– Ключи... – прошептал я и снова схватился за голову. – Как я мог забыть об этих грёбанных ключах?! Они же... ко всему! Ко всем дверям в этой квартире! Если они у...

После этих слов мои глаза широко раскрылись, а дыхание остановилось на несколько секунд.

– Но раз они у неё, тогда почему же... – и, прищурившись (рябь перед глазами прошла не до конца) я посмотрел на дверь. К ней был прислонен стул, спинка которого блокировала ручку.

– Что? Но как... как же я смог? – прохрипел я, медленно поднимаясь со своего места.

Подойдя к стулу, я провёл рукой по его деревянной спинке.

«Стул... поменял... своё расположение... пока я спал», – подумал я, после чего улыбнулся.

– Лунатизм... – прошептал я, и улыбка моя стала ещё шире. – Мой дар... и моё проклятье. Не знал, что когда-нибудь он спасёт меня.

Через секунду улыбка резко спала с моего лица. Ещё раз задумчиво проведя по спинке стула, я вернулся к кровати, медленно на неё опустился и закрыл лицо руками.

Так я сидел минуту, а может, и немного больше, терзаемый полными отчаяния мыслями. Потом мой внутренний барьер не выдержал, и мысли хлынули наружу.

– Почему я? – всхлипывая, процедил сквозь зубы я. – Почему всё это происходит именно со мной?

Слёзы, протекая между пальцев, оглушающе громко падали на мои голые голени. И вдруг, быстро всхлипнув несколько раз, я прошептал:

– Нет... нет. Сейчас не время. Не то время. Я не... должен... отчаиваться. Я... я ведь... нужен ей! Кроме меня, ей сейчас никто не поможет, и... и чтобы...

Громко шикнув, я тяжело вздохнул и посмотрел на тумбу возле кровати.

– Мне нужен телефон. Я... я должен обыскать каждую

комнату, каждый тёмный уголок в этой квартире, – подняв голову, я посмотрел на заблокированную стулом дверь и добавил: – Но сначала мне нужно добраться до кухни.

Я выглянул в коридор и удивился тому, как там было темно. Как я помнил, когда я проходил по нему в последний раз, то в нём, как и в боковых комнатах, было намного светлее. Казалось, что кто-то занавесил все окна. Сделав шаг из спальни и заглянув в мамину комнату сквозь настежь открытую дверь, я понял, что был прав: тёмные шторы действительно закрывали окно.

«Тут был бы полный мрак, если бы окна в моей спальне тоже оказались бы зашторены», – в ужасе подумал я.

Я нажал на выключатель, находящийся на стене слева от двери. Лампочка под потолком не загорелась. Подумав, что она перегорела, я вернулся в спальню и попробовал включить свет там. Тот же результат, то есть никакой.

«Отлично, – подумал я. – Как раз идеальное время, чтобы обесточить дом. Ну, неважно».

Я принялся шарить по столешницам в комнате и вскоре нашёл фонарик, который я называл «жук» – по форме он напоминал мне жука-скарабея. Заряжался он от кручения маленькой ручки на боку. Подзарядив его немного и включив – яркий жёлтый свет тут же развеял тьму вокруг, – я вышел в коридор и направился к кухне, по пути периодически останавливаясь и вслушиваясь в окружение. Свет от фонаря

дрожал, так как руки у меня от волнения и страха ходили ходуном. Добравшись без происшествий до кухни, я тяжело выдохнул и, подойдя к подоконнику, на котором, по идее, должны лежать ключи, медленно отодвинул шторы. Как я и боялся, ключей на месте не оказалось.

Все чувства покинули меня, и в таком состоянии я упал на стул, стоявший возле окна.

«Ключи... как я мог, чёрт возьми, о них забыть? – мысленно спросил я себя. – Почему я подумал первым делом об этом дурацком телефоне, а не о них? Ключи... будь они у меня, я смог бы выбраться из квартиры и найти тысячи телефонов, чтобы позвонить с них врачу! Эх, да что уж сейчас об этом думать...»

И вдруг по моему телу пробежали мурашки, а в сердце что-то больно кольнуло.

– Ключи... какой же я кретин!

Произнеся это, я вскочил со стула, чуть не задев коленом край стола, подбежал к двери, повернул ручку и осторожно толкнул дверь от себя. Дверь спокойно поддалась моему толчку, ознаменовав своё движение тихим скрипом. Закрыв дверь, я сделал шаг назад, наклонил голову, провёл рукой по волосам и задумался.

– Дверь заблокировать не получится. Она открывается в коридор, – прошептал я.

После нескольких секунд задумчивого стояния на месте я всё же решился обыскать кухню. Это было рискованно, даже

очень, и я это прекрасно понимал, однако я понимал и то, что телефон вполне себе может быть здесь, в этой комнате, и что мне всё равно так или иначе придётся её обыскать. Кухня в таком случае станет второй исследованной мною комнатой.

«Убежать я не смогу, – подумал я, – но вот спрятаться – вполне».

Я повернул голову и посмотрел на зону за кухонным шкафом, который был размещён справа от окна. Эта зона была единственной на всей кухне, которая не просматривалась со стороны двери. Однако тут была одна проблема: если мама войдёт на кухню и сделает ещё хоть один шаг вглубь комнаты, то та единственная безопасная зона, сразу окажется, наоборот, ловушкой. Однако что есть, то есть, так что, пометив её взглядом, я пошёл к кухонному шкафу, чтобы его осмотреть.

В кухне был холодильник, стоявший справа от двери в углу, обеденный стол с тремя стульями, стол для готовки слева от двери, в который была вмонтирована раковина, шкаф, висящий прямо над этим столом, и кухонная плита с духовкой. На столе для готовки справа от раковины стояли старая микроволновка и музыкальный плеер тёти, к которому я ни разу не прикасался с момента моего переезда, а слева – какие-то банки, покрытые хохломскими узорами, и маслénка. Осматривать по сравнению с остальными частями квартиры было нечего, но так как мне по понятным причинам приходилось делать это медленно, то и объём работы казался больше, чем

он был на самом деле. Шкаф, который я осмотрел первым делом, оказался самым проблемным местом. Моё второе «я», любящее гулять по ночам, могло спрятать телефон в самые тёмные углы этих деревянных коробок, в которые сама тётушка, скорее всего, уже давно не заглядывала. Вытащив, а также осмотрев все скляночки, тарелки и баночки оттуда, я изучил каждый тёмный угол этих шкафов, однако не нашёл ничего. Разочарованно выдохнув, я взял одну из расписанных под хохлому банок, чтобы вернуть её на место, но тут...

Кто-то крался по коридору. Если бы я сейчас начал снова возвращать банки в шкаф, то, скорее всего, не услышал бы из-за звона стекла этого тихого, еле уловимого скрипа досок. Кто-то или что-то явно не хотело, чтобы его обнаружили, и поэтому следующие шажки были тише, но всё же не настолько, чтобы я их не услышал.

Нервно сглотнув, я осторожно поставил банку на стол и медленно спустился со стула. Стул не скрипнул... и вообще ничто не издало звуков. Пригнувшись, я двинулся к безопасной зоне, от страха позабыв вообще про всё на свете. К счастью, пол подо мной ни разу не скрипнул, и, добравшись до угла плиты, я обогнул его, прижался спиной к стене и вслушался. Когда я первый раз услышал скрип, его источник находился примерно возле стеклянного шкафа, расположенного справа от двери маминой комнаты (бывшей тётиной), однако сейчас он уже был практически возле вешалок, или, точнее... почти возле кухонной двери. От страха

по всему моему телу пробежали мурашки, и я прижался к холодной стене ещё сильнее.

Когда тихие скрипы начали раздаваться уже прямо возле моей двери, то бишь двери на кухню, я невольно задержал дыхание. В следующий миг за дверью отчётливо послышался металлический звон...

«Ключи! – в ужасе подумал я. – Ключи, про которые я позабыл!»

Через несколько секунд раздался тихий скрежет. Кто-то засунул ключ в замок и попытался его провернуть, но дверь была и так не заперта. Затем начал раздаваться противный скрип. Медленно открывалась дверь... но не на кухню, а в зал.

Я уж было хотел облегчённо выдохнуть, но вовремя придержал себя от этого, закрыв рот рукой. Когда дверь в зал, судя по звукам, раскрылась примерно наполовину, источник скрипов начал передвигаться влево от меня. С каждой секундой скрипы становились всё тише, и когда, наконец, всё стихло, я позволил себе осторожно выглянуть из-за своего укрытия и посмотреть на дверь. Я посидел в безопасной зоне ещё некоторое, не особо продолжительное время, затем выбрался из неё и пошёл на корточках к двери. Добравшись до неё, я приложил к ней ухо. К моему удивлению, ни шороха, ни вообще каких-либо звуков со стороны зала слышно не было.

«Что же она там делает?» – мысленно спросил я себя, и

перед глазами предстала картина: мама, слегка покачиваясь, стоит посередине комнаты и бездумно смотрит куда-то во тьму. От этой мысли меня обдало холодом.

«Не может же она вообще ничего не делать», – подумал я... и тут мысли начали расплываться.

Переживания о том, что мать в любую минуту может ворваться сюда и убить меня, растворились в густом тумане забвения. Откуда-то издалека раздалось странное эхо: «...дё-ё-ё-ём, придё-ё-ё-ё-ём!».

Стоп! Взбодоражив туман, я заставил его немного развеяться, после чего поднял голову и раскрыл глаза.

«Нет... я не могу сейчас... уснуть. Только не здесь... – мысленно сказал я. – Что же с этими таблетками, чёрт возьми?! Я же... пил их раньше, причём в большем количестве, но даже тогда они не были такими... такими сильными».

Но все эти вопросы через секунду начали тонуть всё в том же густом тумане, и я понял, что нужно спешить. Осознание этого немного взбодрило меня, однако я понимал, что этой энергии надолго мне не хватит.

Поднявшись с пола, я осторожно повернул замок, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Дверь зала действительно была полураскрыта, и, сделав шаг из кухни, я заглянул в его тёмные недра, однако из-за непроглядного мрака кроме тёмных силуэтов мебели я ничего не увидел. Протерев уставшие глаза, я на носочках двинулся к концу коридора. Пол в коридоре скрипел куда громче, чем пол на кухне, так

что ступать мне приходилось с особой осторожностью, чтобы не выдать себя. Включать фонарик, я, понятное дело, не рискнул, так что мне пришлось вытянуть руки вперёд, чтобы не врезаться во что-нибудь ненароком почти в кромешной темноте. Всякий раз в ужасе останавливаясь после каждого громкого скрипа, я шёл к двери в ванную комнату, которая находилась как раз в конце этого небольшого коридора, и вскоре до неё добрался. Коснувшись её руками и прощупав, чтобы убедиться, что это именно она («а что это ещё могло быть?» – подумал я), я повернул голову, посмотрел на приоткрытую дверь моей спальни, а затем через несколько секунд повернулся и посмотрел сквозь раскрытую дверь на мамину комнату. Я мешкал, потому что в моей голове зародился новый план: запереться в маминой комнате и всю её обыскать. Моя спальня была уже изучена, и идти в неё в этом плане было бессмысленно... однако тут была одна проблема: я не знал, смогу ли в действительности запереться в той комнате. Точнее, не помнил. Моя голова сейчас, казалось, представляла собой большой арбуз на подпорках, который не желал копошиться в себе и что-то там вспоминать. Моей внутренней энергии хватило только на составление этого плана, однако на его обработку – нет.

Несколько секунд я постоял на месте, переводя взгляд от одной комнаты к другой, затем всё же решился идти в мамину.

«Нет времени... на... глупости», – подумал я и вошёл в

комнату.

Мамина спальня внешне походила на комнату подростка, которой раньше и являлась: на огромном старом шкафу стояла запылённая магнитола, а на стене возле широкой кровати, размещённой прямо перед шкафом, висели слегка помятые постеры современных рок-звёзд. Ну, почти современных. Чуть правее от шкафа в углу разместился письменный стол, на котором раньше, скорее всего, были разбросаны учебники и тетрадки, однако сейчас на столе не было ничего и столешницы в нём были пусты. Здесь раньше жил сын моей тёти, который погиб в автокатастрофе, ведя машину в нетрезвом виде. Это случилось где-то года три тому назад, и ему в это время было вроде двадцать два... или двадцать три? Да, двадцать три года! Печально всё это. Печально и трагично. Вообще, сразу, как только сюда переехал, я почувствовал... что с этой квартирой что-то не так. Это... странное ощущение, но... в этом месте ты чувствуешь себя не так, как в остальных местах. Особенно ощущается всё это, когда ты начинаешь копошиться в прошлом. Квартира уже не раз мне рассказывала истории своих бывших хозяев, после которых здесь всё осталось практически нетронутым. То же самое было и с этой комнатой: в ней с момента своего переезда сюда я ничего не переставлял, да и заходил я в неё обычно только тогда, когда проводил уборку.

Закрыв за собой дверь и повернув замок, я сделал шаг назад и стал смотреть на дверь так, будто видел её впервые. Сон

чуть отступил, и странная и навязчивая мысль проскользнула в моё сознание.

— Дверь... она открывается в коридор, — прошептал я через секунду. — И подпереть я её ничем не смогу.

В коридор во всей квартире открывались только следующие двери: туалета, кухни, ванной и этой комнаты. Я никогда не помечал в своей памяти такие вещи, так как они обычно запоминаются механически. К сожалению, механическая память меня сейчас подвела.

Простояв в раздумьях ещё несколько секунд, я всё же решил не отходить от своего плана. Я приоткрыл дверь, чтобы получить возможность в случае чего, не мешкая, перебежать в свою спальню, после чего развернулся и начал обыскивать комнату. Начать я решил с левого дальнего угла, то есть с рабочего стола. Добравшись до него на цыпочках, я оглядел его поверхность. Уборку я не особо жаловал, так что в некоторых местах стола были видны небольшие кучки пыли... но больше на нём не было абсолютно ничего. Нагнувшись, я практически бесшумно начал осматривать столешницы. И тут... перед моими глазами начали раскрываться чёрные розы. Я почувствовал, что начинаю лететь куда-то... Туда, где круглый год лето, где за окном виднеются поля тюльпанов различных цветов и оттенков. Я вздохнул полной грудью, и в тот же миг ветерок пронёсся над полем и колыхнул прекрасные цветы. Всё было великолепно, всё...

Я схватился за край стола... и розы перед глазами начали

таять, а вместе с ними и прекрасный мираж. В следующий миг голову пронзила боль, и, положив руки на виски, я медленно опустился на пол.

— Как же... больно! — прошептал я, и тут из моих уст вырвалось то, что я вовсе не хотел произносить: — За... что? За что вы меня мучаете?

Комната и мрак, окутавший её, мне не ответили. Глубоко вздохнув и выдохнув, я задумался над тем, что сказал.

«Что это значит? Глупость какая-то. Просто вырвалось», — подумал я.

Когда боль немного отступила, я поднялся с пола, огляделся и пошёл к шкафу. Также не найдя там ничего, я осмотрел небольшой шкафчик возле подоконника, а затем и сам подоконник. После того как и с ними было покончено, я включил фонарик-«жук» и начал осматривать все тёмные углы комнаты, в которые могло моё второе «я» спрятать телефон. Нагнувшись, я осветил под столом, и, не найдя там ничего, перевёл луч света на зону под кроватью. Я увидел одну интересную вещицу, которую заметил только сейчас, — хотя мог заметить её сразу, при заходе в комнату. Справа от кровати стояла, прислонённая к стене, большая мамина сумка, с которой она приехала в город. Подойдя к кровати с другой стороны, я сел на пол, положил голову на кровать и раскрыл сумку. В первом, самом главном и объёмном отделении было много всякого барахла вроде косметички, но открыв второй, боковой отдел, который был немного меньше первого,

я обнаружил то, что надеялся здесь найти в последнюю очередь, – стопку «Детских дневников», как их называла мама.

– Что они здесь делают? – прошептал я, взяв самую первую из стопки тетрадь и осмотрев её со всех сторон. – Она что, таскает это старье с собой?

Все тетрадки в стопке, как и та, что я держал, были на сорок восемь листов, в клеточку. Обложки их были шершавыми, разноцветными, но без рисунков. Открыв тетрадь, что держал в руках, я начал читать текст, в котором целиком и полностью рассказывалось обо мне, а точнее, о моём детстве и взрослении. Мама вела дневники до того момента, как мне исполнилось восемь лет, а потом перестала. Как минимум раз в полгода я видел, как она украдкой читает дневники у себя в спальне.

Сразу, как только я прочитал первое предложение, меня втянуло в омут воспоминаний, и я уже не мог остановиться. Я читал ещё и ещё, не замечая, как быстро летают прочитанные листки у меня перед глазами. Весь текст дневников был в основном наполнен комичными ситуациями, виновником которых был маленький я, хотя там были и грустные моменты. Общее у всех новелл было одно: все они были пропитаны чем-то добрым, согревающим мою душу, и это «что-то» заманило меня к себе и стало укутывать меня в мягкую простыню и поить ароматным чаем. Глаза мои начали медленно закрываться.

– Мама... – прошептал я, и по моей щеке покатилась сле-

за. — Как же сильно я был несправедлив к тебе. Видно... это моё заслуженное наказание. Но я обещаю, что... спасу тебя. Я должен... тебя спасти. Я... клянусь, — сказал я, и сон начал медленно накрывать меня с головой своим одеялом.

... Кругом бархат и шёлковые покрывала, свисающие с розовых небес, среди которых восточные танцовщицы в прекрасных нарядах кружились в танце. Откуда-то издалека раздавалась приятная расслабляющая музыка, ласкающая мои уши. Мышцы мои будто превратились в мягкие перьевые подушки, так что каждое моё движение было очень плавным и неторопливым. Я счастлив, я расслаблен, и мне не нужно больше...

Раздался громкий, долгий и очень неприятный скрип.

Я открыл глаза и откинул от себя одеяло, в которое был укутан с головой. Раздались шлепки, так как вместе с одеялом с меня попадали тетради, которых было несчётное количество, после чего я поднялся с пола и вслушался.

«Уж не приснилось ли мне это?» — подумал я, и тут, как будто желая опровергнуть мои слова, из коридора снова раздался скрип, на этот раз куда более тихий. Его источник находился примерно возле вешалок.

По всему моему телу прошла дрожь, и я попытался сделать шаг к двери, чтобы перебежать в свою комнату, но не смог этого сделать, так как мои ноги будто были прикованы к полу. Тем временем источник скрипов продолжал ко мне приближаться, и этот факт заставил невидимые цепи сжать

мои ноги сильнее. Мне ещё никогда не было так страшно и одновременно так плохо. Боль в висках была поистине мучительной. Создавалось впечатление, будто внутри моей головы кто-то бьёт в огромные барабаны и кричит что есть мочи. Пересилив себя, я заставил свою ногу подняться и опуститься чуть правее, прямо напротив дверного проёма... но тут произошло то, из-за чего мне пришлось остановиться и закрыть глаза: пол под ногой скрипнул так, что можно было услышать, кажется, даже из зала. Одновременно с этим скрип в коридоре прекратился. Я сразу понял, в чём дело: она не ожидала того, что я буду находиться именно здесь либо что я проснусь до того, как она сюда доберётся. Так что, получается, мы оба находились в состоянии ступора, и, судя по всему, оба понимали, что победителем выйдет тот, кто первым придёт в себя.

Сразу, как только я почувствовал, что ноги отпускает судорога, которая на несколько секунд превратила их в обычные, ни на что не способные мясные рулеты, я на всех парах ринулся вперёд, подстёгиваемый огромным количеством вырабатываемого адреналина. Целился взглядом я на дверь впереди, то есть на дверь в мою спальню. Чтобы не тратить драгоценные секунды, я не повернул голову вправо, хотя желание было огромным, но мне было достаточно того, что как только я выбежал из спальни, то услышал тихий, нечеловеческий клёкот, который напугал меня и послужил сырьём для ещё одного ведра адреналина. На моём лбу от напряжения

и волнения скопились несколько капель пота, сердце ударило по вискам с удвоенной силой, заставляя меня от каждого удара щуриться от невыносимой боли. Я чувствовал на себе обжигающий холодом взгляд безумца, до которого дошло, что его жертве практически удалось скрыться от него. И мне стало по-настоящему страшно. Я даже забыл на несколько секунд, что кого-то там вообще-то хотел спасти. Мне хотелось бежать, бежать отсюда, из этой квартиры, спасая свою жизнь.

Когда до спасительной двери мне осталось несколько шагов, отчаяние, которое являлось преобладающим во мне чувством в момент рывка, стало довольно быстро сменяться надеждой, и, всеми силами стараясь не закрыть уставшие глаза, я распахнул дверь – и...

... Холодные капли воды ударили мне в лицо, а затем скапались по щекам и полупрозрачному жёлтому дождевику. Закрыв за собой дверь трюма, я побежал к правой мачте и, схватив развязавшийся канат, привязал его морским узлом на место. Погода для плавания в море была ужасной: чёрные тучи накрыли небо на тысячи и тысячи километров вокруг. Сильный ветер и чёрные волны пытались всеми своими стихийными силами перевернуть мой огромный парусный корабль. Из-за капель воды, которые налетали мне на лицо при каждом сильном дуновении ветра, я щурился и плохо видел то, что происходило вокруг, но когда ветер слегка утих, я посмотрел вправо и ужаснулся: огромная чёрная волна, ко-

торая была в несколько раз больше моего корабля, двигалась сюда и грозила ударить в правый борт.

– Штурман, право руля! – крикнул я охрипшим голосом и схватился за борт, чтобы не упасть.

Через несколько секунд корабль начал медленно, подобно огромному великану, поворачиваться, чтобы встретить чёрное чудовище своим носом. Я с ужасом смотрел на то, как волна приближалась к нам, раскрыв свою чудовищную пасть. Она желала сожрать нас целиком.

«Но нет, тварь, – подумал я. – Хрен ты что сделаешь с мом кораблём!»

– Ну, давай же!!! – возбуждённо крикнул я, когда волна уже практически достигла корабля.

Раздался громкий рёв, будто волна на самом деле была чудовищем из старых морских легенд, после чего меня обдало мощной струёй воды, которая чуть не повалила меня с ног. К счастью, за борт я держался крепко. Приняв более удобное положение, я поднял ладонь над глазами, чтобы защитить их от дождя и ветра, и посмотрел на самую высокую точку волны, которая дотягивалась чуть ли не до самих чёрных облаков.

Шум воды становился всё громче, и когда волна наконец коснулась корабля, он достиг своего пика и чуть не оглушил меня... хотя сейчас мне было всё равно. Миллион капелек воды ударили по мачте, по свёрнутым парусам, по палубе и, главное, по моему лицу, тем самым ослепив меня на несколь-

ко секунд. Палубу на долю секунды осветила ударившая молния, и корабль начал делать невозможное – подниматься по волне вверх. Мне было одновременно страшно и весело, и, прикрывая лицо рукой от накидывающихся на меня капель воды и небольших волн, я кричал что-то дрожащим голосом, подбадривая тем самым команду... которую не видел. Я чувствовал, что корабль не был необитаем, что знакомые по кругосветным плаваниям люди бежали по нему, закрепляли тросы, возились с парусами либо просто держались за что попало, чтобы не упасть. Иногда, резко поворачивая голову, я мог видеть их тени, снующие и бегающие туда-сюда, но очередное дуновение ветра их тут же развеивало.

– Давай, милая! Давай, держись! – кричал я, обращаясь к своему кораблю, на котором проплыл столько морей и океанов, что и не пересчитать, и который не раз и не два благодаря своей огромной скорости и маневренности спасал мою жизнь и жизнь всей моей команды.

Через несколько минут корабль принял практически вертикальное положение. Он норовил перевернуться. Всё, что было плохо закреплено или банально не привязано, полетело к корме. Несколько бочек чуть не налетели на меня, однако, к счастью, мне удалось от них вовремя увернуться. И вдруг корабль начал снова выравниваться. Уже знакомые бочки покатались на палубу, да и вообще всё, что лежало до этого на корме. Когда корабль принял горизонтальное положение, я увидел океан практически с высоты птичьего полёта.

«Я на пике волны», — успел подумать я до того, как корабль полетел вниз на огромной скорости.

На этот раз все бочки, все коробки, которые были по какой-то причине не убраны в трюм и не связаны, полетели к носу корабля, а некоторые и вовсе вниз, в морскую пучину.

Шум воды утих на несколько секунд, будто кто-то взял и убавил его громкость, а затем на корабль разом налетели миллиарды капелек воды. В этот раз я не удержался и упал на сырую поверхность палубы. Через несколько секунд корабль начал выравниваться, и я уже мог снова встать на ноги. Огромное чудовище было преодолено. Тяжело выдохнув, я оторвал от перил дрожащие, покрытые мозолями руки и упал на колени. Я знал, что для расслабления было не очень подходящее время, просто я дико устал и уже не мог стоять на ногах.

И тут, когда я уже готовился победоносно прокричать «Мы справились!», откуда-то издалека раздался рёв. Я уже слышал его несколько минут назад, но тогда я принял его за шум волны.

Подбежав к носу корабля и схватившись руками за бушприт, чтобы не упасть, я вытащил из-за пазухи подозрную трубу и всмотрелся в даль. Высокие чёрные волны колыхались на ветру и норовили наброситься на корабль, однако, кроме них, больше не было видно ничего. И вдруг чуть левее одной из самых малых волн показалось нечто странное, похожее на огромного червя. Через секунду нечто исчезло.

Может, оно ушло на глубину, а может, и не появлялось вовсе.

– Что... это... такое? – прошептал я, делая паузу после каждого слова.

И тут, прорываясь сквозь шум воды, вновь раздался рёв, после чего корабль тряхнуло с такой силой, что я не удержался на ногах и в очередной раз упал на мокрые доски. Шипя от боли, я медленно встал, после чего спустился по лестнице на палубу и побежал к правому борту. Добравшись до перил, я схватился за них руками и всмотрелся в чёрную волнующуюся воду. Я не видел ничего, но чувствовал, что под водой что-то было и что оно было огромное. По моим ушам ударила громкая музыка на фортепиано, принесённая откуда-то ветром, после чего практически тут же раздался громкий треск. Через несколько секунд всё утихло, включая и музыку, и только ветер, завывавший в парусах, да шум воды продолжали нарушать тишину. Я стоял вполоборота, держась одной рукой за борт, а другой за грудь, в которой бесшумно колотилось сердце, и смотрел то на паруса, служащие духовым инструментом для ветра, то на палубу. Я искал источник громкого треска. Я знал, что причиной всего этого послужило появление странного существа, скрывающегося под водой, и это меня пугало. Больше всего на свете я боялся неизвестного – того, что человеческий разум не в силах переварить и понять. Я чувствовал, что демон, прорезающий водную толщу совсем недалеко от моего корабля, приплыл из глубин, до которых никогда не доходил солнечный

свет, и что лет ему чуть ли не столько же, сколько и нашему прогнившему миру. Простояв ещё с полминуты и не услышав больше никаких подозрительных звуков, я сделал шаг к середине палубы, и тут... всё вновь затрещало, да с такой громкостью, что уши начало закладывать. Снова раздались звуки фортепиано, и в следующий миг поперёк палубы образовалась огромная трещина, из-за которой корабль начал складываться вдвое. Не удержавшись на ногах, я упал и покатился по мокрым и скользким доскам к разлому, но хорошо привязанная пушка меня спасла. Я схватился за неё, подтянулся и, оказавшись на стволе орудия, зацепился за перила левого борта и пошёл к носу корабля. Я посмотрел по пути налево, за борт, и увидел, что корабль начал медленно закручиваться внутри огромной воронки, которая, без сомнения, хотела его засосать. Каждую минуту раздавался раскат оглушающе громкого грома и в воронку ударяла молния. От молнии каждый раз по воде во все стороны расходились ручейки яркого пламени. Масштабность всего происходящего напугала меня, и на несколько секунд я почувствовал, что вот-вот упаду в обморок. Глаза начали окутывать чёрные лепестки, появилось ощущение недостатка воздуха... но всё это длилось не больше нескольких секунд.

Главной проблемой при подъёме к носу корабля для меня стали ступени, так как забираться по ним, когда корабль находился чуть ли не в вертикальном положении, было очень сложно, но, держась мёртвой хваткой за перила и рассчиты-

вая каждый свой шаг, мне всё же удалось преодолеть это, как мне вначале показалось, непреодолимое препятствие. Поднявшись на площадку носа корабля, я схватился за бушприт, развернулся и начал смотреть на всё расширяющуюся трещину в палубе. На секунду мне показалось, что я видел в тёмной бурлящей воде огромную пасть, похожую на пасть пираньи, но только в несколько тысяч раз больше.

Корабль тем временем шёл ко дну, причём довольно быстро, и единственное, что мне сейчас оставалось, так это прыгать в воду. Глубоко вздохнув, я забрался на бушприт и пошёл к его концу. Воронка внизу становилась всё шире и глубже, будто желая достать до самого дна. Она была похожа на огромную пасть, желающую сожрать мой корабль, мою команду и меня целиком. Я очень боялся, что, когда я попаду в воду, воронка засосёт меня и я больше никогда не увижу свет звёзд, но, обернувшись и посмотрев на тонущий корабль и на тени, что прыгали в пучину волн, я всё же решился. Держась одной рукой за бушприт, чтобы не упасть, я выпрямился, закинул руки назад, как делают опытные пловцы, и прыгнул в воронку, при этом вытянув руки вперёд в виде стрелы. Ледяная вода сразу приняла меня, и на несколько секунд мне показалось, что я потерял сознание, так как, окунувшись в бушующую пучину, я тут же услышал ангельское пение, которое раздавалось из глубин океана. Добравшись за несколько рывков до поверхности воды и вытащив из неё голову, я глубоко вдохнул ртом, вбирая в себя жизненно важ-

ный воздух. Тогда мне пришло в голову, что находился я под водой не несколько секунд, а несколько минут, если не больше. Странное ощущение... хотя я не мог исключать, что всё было не так.

Сразу, как только я высунул голову из воды, воронка подхватила меня и начала закручивать, приближая меня к своей середине. Этого я и боялся больше всего, хотя и знал в глубине души, что этого было невозможно избежать. Попытки выплыть из воронки не приносили ровным счётом ничего, так как напор воды в ней был такой сильный, а размер её был такой огромный, что все мои усилия были абсолютно напрасны.

Я закрыл глаза и начал лихорадочно шептать замершими и, скорее всего, синими, губами, повторяя снова и снова: «Что же мне делать? Что же мне делать?».

Моя участь была предрешена: я умру, и умру страшной смертью. Я умру под напором миллионов галлонов воды либо в пасти чудовища из давно забытых легенд. В отчаянии я продолжал свои попытки выплыть из воронки, при этом с каждой секундой всё больше возмущаясь и злясь от того, что все мои усилия были напрасны, а голос, шепчущий у меня в голове, всё повторял и повторял насмешливым тоном: «всё, всё, всё, всё, всё, всё, всё».

Когда силы мои начали иссякать, я бросил свои попытки выбраться из воронки. Через несколько секунд откуда-то снова раздался чудовищный рёв, после чего я начал лихора-

дочно бегать глазами по воде, желая увидеть источник этого звука. Вскоре я остановил свой взгляд на одной точке... и у меня перехватило дыхание от ужаса. Страх, который я до этого испытывал, не шёл ни в какое сравнение с тем, который мне «посчастливилось» испытать сейчас. Настоящий животный ужас, окутавший меня с головой, заставил меня поверить в то, что от страха можно умереть, потому что я чувствовал, что был на грани. Я увидел, что ко мне со стороны тонущего корабля плыл червь огромных размеров, который своей гигантской мордой действительно напоминал пиранию, но только с длинным гибким телом.

– Господи! – прошептал я и зарыдал от страха, как ребёнок. – Господи, спаси меня!

Огромная пасть чудовища раскрылась и обнажила тысячи огромных зубов, готовых разорвать, раскромсать и растерзать меня. Но боялся я по большей части не их, а глотки, чёрной глотки монстра, которая была похожа на глубокий бездонный колодец.

– Господи, пожалуйста! – прохрипел я что есть мочи, барахтаясь в ледяной воде. – Я... я не хочу! Выпустите меня! Я не хочу так умирать!

Сердце моё застучало чаще, глаза начали опутывать красные нити.

– Я... не хочу... – прошептал я, и, сопровождаемый тихим ангельским пением, начал погружаться на дно.

Раздался стук откуда-то издалека... и я открыл глаза. После этого я приподнялся на локтях, схватился рукой за грудь и начал с жадностью вбирать в себя воздух, будто до этого меня кто-то душил, а сейчас решил сжалиться и разжал свои руки. Первые несколько секунд из-за разноцветных пузырьков перед глазами я совершенно ничего не видел, и, как только они исчезли, по моей голове тут же будто ударили чем-то тяжёлым, и пульсирующая боль в висках и в жилах над бровями снова вернулась ко мне. Подвинувшись чуть ближе к кровати и прислонив к ней голову, я протёр глаза кулаками, а затем, прищурившись, посмотрел на дверь. Она снова была подперта стулом. Я не пытался вспомнить то, что было до того, как я отключился, и как мне всё же удалось забежать в комнату, да и ещё к тому же успеть закрыться. Вместо этого я начал улыбаться, как ребёнок, и заворожённо крутить головой, при этом думая о том, какая же всё-таки прекрасная у меня комната, как сильно она меня оберегает, как защищает от всего на свете. И ещё я думал, что было бы прекрасно остаться здесь навсегда, ведь если бы я остался здесь навсегда, то мне не пришлось бы больше бояться, выживать в этом дурацком мире и, главное, бегать от своей же собственной матери. Надо было только найти способ доставлять сюда провиант, а также решить вопросы с другими, не менее важными вещами.

«Что со мной? – подумал я. – Что же это я, головой что ли поехал?»

Но этот вопрос, как и многие подобные, выветрился из моей головы практически сразу же, как только появился. Я пытался настроиться, пытался выйти из этого странного расслабленного состояния, но стоило мне начать обдумывать что-то действительно важное и серьёзное, как я практически тут же переключался на другую, более приятную мне в данный момент тему, так как все серьёзные мысли были накопками, ударяющими мне по голове, а другие, менее серьёзные, – мягкими подушками. Я уже обдумал практически все возможные варианты того, куда можно будет поставить в комнате холодильник и где можно будет сделать чёрные ходы, но тут вдруг услышал странный гул, раздававшийся откуда-то сзади, со стороны окна, будто кто-то кричал охрипшим голосом. Мои ноги и руки тут же стали словно ватными, их просто парализовало от страха. Единственное, что сейчас я мог, и единственное, что мне оставалось, так это повернуться назад и посмотреть, что издавало такие звуки.

– Давай, ты сможешь! – очень тихо прошептал я и сделал это, то есть, обернулся.

Увидев то, что стояло возле окна, я выдавил из себя тихий хрип, вскочил с пола, развернулся и попятился назад, к двери. Вместе со мной в комнате была женщина в сером халате и с чёрными, как смола, волосами. Рот женщины, из которого доносился хрип, был неестественно широко раскрыт, а само её лицо было покрыто огромным количеством морщин. У женщины не было зрачков, но я всё равно каким-то обра-

зом знал, что она смотрит на меня, прямо мне в глаза, и от этого становилось очень жутко.

Дрожащими руками я нащупал за собой стул, после чего откинул его в сторону, открыл дверь и попятился в коридор, не смея даже на долю секунды отвести взгляд с заволаживающих и, одновременно пугающих глаз женщины.

Пришёл я в себя только возле вешалок. Воспоминание о том, как я до них добрался, каким-то образом вылетело у меня из головы, и у меня создалось впечатление, что по пути к ним я отключался.

В тёмном коридоре, как и во всей квартире, стояла groboвая тишина. Я не сразу понял, что хрип из комнаты уже не доносился. Дошло это до меня только через несколько секунд. Находился я в полнейшем смятении и чувствовал себя в коридоре не очень уютно. Мне одновременно не хотелось тут задерживаться ни одной лишней секунды, но и одновременно не хотелось возвращаться в спальню – по понятной причине. Но так как этого пугающего хрипа больше не было слышно, я всё же решил рискнуть и, широко раскрыв глаза, чтобы можно было хоть что-нибудь разглядеть во тьме, пошёл приставными шагами к двери в ванную. Практически всякий раз, когда я наступал на пол, тот отзывался унылым пением, и почти каждый раз после таких низких нот я вздрагивал и поворачивался к двери в зал.

Добравшись до своей цели, я заглянул через полуоткры-

тую дверь в свою спальню. Возле окна на этот раз никого не было. Немного помедлив, я в конце концов подошёл к двери своей комнаты, по пути оборачиваясь всякий раз, как наступал на скрипучую доску, и осторожно выглянул из-за неё. За ней, как и во всей комнате, не было никого.

Слегка подрагивая от страха, я пробрался в спальню, запер за собой дверь и вернул валяющийся недалеко стул на своё законное место, то бишь к двери.

Итак, первая проблема была решена: я внутри своего мини-форпоста, а это значит, что никто с ножом наперевес на меня не нападёт. Теперь меня волновало только одно: куда делась та женщина в сером халате, которая ещё совсем недавно стояла возле окна?

Подняв с пола «жука», я посветил под кроватью и, никого там не обнаружив, обошёл кровать слева и осмотрел шторы и зону возле окна. Там тоже никого не оказалось. Теперь только шкаф оставался последним местом, куда можно было спрятаться. Нервно сглотнув, я осторожно приоткрыл его дверцу и... кроме своих курток, плащей, свитеров и рубашек, висящих на вешалках, ничего там не увидел.

На меня вдруг навалилась ужасная тоска и усталость, и, снова обойдя кровать, я медленно опустился на неё.

– Что же это такое было? – спросил я себя и протёр уставшие глаза рукой.

Попытавшись вспомнить тот момент, когда проснулся и побежал от этой странной женщины, я вдруг понял, что этот

самый момент как-то странно запечатлелся у меня в памяти. Как-то... немного мутно, будто произошло это давным-давно или просто мне приснилось, тогда как всё, что происходило до и после этого, сохранилось у меня в памяти в виде куда более четких картинок.

— Этого... не может быть! — прошептал я и начал быстро-быстро тереть лицо руками и трясти головой. — У меня уже, похоже, глюки начались от... усталости и... и всего этого безумия. Надо... я... мне надо просто успокоиться. Просто успокоиться и... побыстрее покончить с этим делом.

За окном было всё ещё темно. Казалось, что стало даже темнее, чем было, хотя, по моим подсчетам, уже давно должно было начать светать.

— Время как будто остановилось, — прошептал я в полубреду, сам не понимая, что говорю. — Остановилось... для нас. Я так давно тебя не видел, так давно не проводил время с тобой... И вот ты здесь, снова со мной... и чем же я недоволен? Тем, что ты не в себе? И что, неужели из-за этого я от тебя отвернусь?

Я вздохнул и посмотрел в окно, на красивую серебряную луну, висящую на небе и освещающую большую часть моей маленькой комнатухи.

— Ты бы так не поступила, — добавил я и в завершение своего странного монолога опустил голову и обхватил её руками.

Не знаю, сколько я так просидел, — минуту, час, а мо-

жет быть, и целую вечность. Когда сознание вновь вернулось ко мне, я медленно поднял голову, поднес свои дрожащие бледные руки к глазам, посмотрел на них несколько секунд, а затем взъерошил ими волосы. Вид у меня, скорее всего, стал, как у какого-нибудь сумасшедшего профессора, но на это мне было плевать. Да и, собственно говоря, какая вообще разница, как я сейчас выгляжу? Я посидел молча ещё несколько минут, думая о чём-то и пялясь на противоположную стену, и затем шёпотом произнес:

– Остался зал. Если не будет в зале, то останется ещё два места, но их оставлю на потом. Сейчас зал.

Произнеся это, я медленно поднялся с кровати – на моё действие она отозвалась громким скрипом, который в тихой квартире мне показался чересчур громким, – после чего взял лежащий рядом фонарик в руку и включил его. Отодвинув в сторону прислоненный к двери стул, я выглянул в коридор и направил в его тёмную глубину луч «жука». Не заметив ничего необычного, я перенаправил свет на мамину спальню. Там тоже не было никого.

Нервно почесав правую руку, я раскрыл свою дверь чуть шире и, выйдя в коридор, направился мимо стеклянного шкафа к вешалкам. В конце коридора была дверь на кухню, дверь в зал, главная дверь и вешалка для верхней одежды в правом дальнем углу. И там тоже не было никого. Все двери там были закрыты, и за каждой из них могла стоять она, готовая в любой момент накинуться на меня. Осмотревшись,

я подошёл к двери в зал, приложил к ней ухо и, не услышав ничего, медленно её приоткрыл и направил луч света сначала в зону за дверью – чисто, – потом в середину зала, в сосредоточение мрака. Шторы здесь, как и во всех комнатах, кроме моей, были задвинуты, но в этой комнате они были значительно темнее, чем, например, в маминей спальне, так что тут без стороннего света была бы непроглядная темнота. Убедившись, что в комнате никого нет, я вошёл в неё, закрыл за собой дверь, затем подпёр дверь за собой рядом стоящим креслом и двинулся к шторам. Дойдя до них, я резким движением раздвинул их в стороны. Лунный свет тут же ворвался в зал и упал практически на всё, что в нём было (по крайней мере, на всё, до чего мог дотянуться): на пол, на книжные шкафы справа от меня, на диван напротив них, на маленький столик у противоположной от окна стены и на софу, стоящую справа от стола. Свет с непривычки мне показался настолько ярким, что я тут же закрылся от него рукой и посмотрел на огромные шкафы, забитые книгами, которые остались ещё от давно умершей бабушки. Её коллекцию пополняла и тётя, собравшая благодаря своей страсти к чтению книг на ещё один шкаф, который она поставила рядом с первым. Книги в обоих шкафах сильно разнились: бабушкин шкаф, что был слева, был наполнен бессмертной классикой наших писателей, тогда как шкаф тёти, стоявший справа, был в основном забит книгами на военную тематику, а также детективами. Тётя обожала книги о Второй мировой

войне, фильмы о Второй мировой войне, в общем, всё о той войне. Я даже помню, что однажды в шутку сказал, что, если бы не было войны, тётё вообще нечего было читать. Они ещё тогда рассмеялись и долго мне потом припоминали эту шутку. Не сказать, что я так уж хорошо знал тётю, но, встречаясь, мы всё равно беседовали, как старые знакомые.

Зал, освещённый лунным светом, был уже не так мрачен, как до этого. Постояв ещё немного на одном месте и осмотревшись, я в конце концов решился взяться за дело. Работы предстояло много: зал был не только самой большой комнатой во всей квартире, но и самой, так сказать, заполненной. Главной проблемой, конечно, были большие книжные шкафы, которые под лунным светом казались больше и величественнее, чем при другом освещении.

Во время обыска зала я часто замирал и прислушивался. Я знал, что она не могла никак сюда попасть – по крайней мере, так, чтобы оставить меня в неведении, – однако делать это всё равно считал необходимым. Знание о её местоположении в любой момент времени было важно для меня, потому что, не зная, где она находится в определённый момент, я мог попасть в её ловушку.

В зале я обыскал всё, и вновь телефон мне найти не удалось. Встав посередине комнаты, я поднял голову и потёр виски. Глаза мои снова начали закрываться от усталости, сон в очередной раз тянул ко мне свои руки, однако, несмотря на то, что находился я в относительной безопасности, я всё рав-

но всеми силами старался не уснуть. Сон для меня в эту ночь стал опасным, запретным... но притягивающим. Как наркотик, который каждый день требует себя принять. И вот, не повинаясь ему, я чувствую ломку, настоящую. Голова будто молит: «Ложись, Денис, на диван и спи-и-и-и-и. И спи-и-и-и-и». А я говорю – нет, потому как мне страшно. Мне страшно уснуть... и не знать, что в это время происходит с моим телом. Может быть, пока я буду спать, в комнату кто-то тихонько проползёт и перегрызёт мне горло. А я продолжу спать, и сон мой никогда не закончится, и я всегда буду думать, что того мира нет, что сон, который уже мне не будет казаться сном, – это реальность. И ещё страшней мне становится от того, что в глубине души я чувствую, что это на самом деле не так уж и плохо в данной ситуации. Смерть во сне – самая безболезненная из смертей. Я просто продолжу спать... даже не зная, что мёртв. Это ведь лучше, чем умереть в муках, правда? Намного лучше. И мир, в который я попаду, уснув, и в котором останусь и после смерти, встретит меня с распростёртыми объятьями, и, может быть, мне даже удастся его спасти пару раз от, казалось бы, неминуемой гибели. Или, наоборот, я погружу его в вечный мрак, окуну в страх и мучения и оставлю навсегда под гнетом миллиардов галлонов безумия. О да, это ведь лучше, чем...

– Так, всё! Хватит! Хватит! – прохрипел я, после чего вскочил с дивана, на котором до этого лежал, положив голову на его мягкий подлокотник, и принялся тереть кулаками

глаза.

Сон снова чуть не сковал моё сознание, однако я сдержался и не поддался ему. Мысли о смерти, о бесконечном сне и обо всём прочем, которые ещё минуту назад казались мне не такими уж и плохими, теперь ужасали меня, и сейчас я корил себя за то, что вообще пропустил их в своё сознание.

После такого сильного эмоционального всплеска усталость вновь начала накатывать на меня, однако, к счастью, в этот раз я не думал о смерти. Кажется, сейчас я вообще ни о чем не думал и следующие слова, произнесенные мной, вылетели напрямик из глубин моего подсознания:

– Смерть – это не выход, – прошептал я. – Если человек, ища выход из лабиринта, вдруг падает на колени и решает остаться в таком состоянии до тех пор, пока не умрёт, то таким образом он не выходит из лабиринта. Он попросту сдаётся. И пока у меня остаётся хотя бы маленькая искорка надежды, я должен продолжать бороться! Да, должен!

После этих слов я медленно, переваливаясь с ноги на ногу, подошёл к двери, отодвинул кресло, причём даже не постаравшись сделать это как можно тише, небрежно распахнул дверь и, продолжая шататься, пошёл к своей спальне.

Добравшись до вешалок, я остановился. Этой ночью я, идя по коридору, часто останавливался и вслушивался, когда меня что-то беспокоило, и неважно, что это было – звук, странный запах либо просто странное ощущение, – и чаще всего я не сразу понимал, что же всё-таки меня беспокоит.

ло на этот раз. Сейчас случилось то же самое: я не знал, почему остановился, но раз я это сделал – значит, на то была причина.

И вдруг мои глаза раскрылись шире от удивления и страха, а ноги задрожали. Туманные мысли в моей голове развеялись и забылись, и я понял, что стою посередине коридора, освещённый светом с кухни. С той стороны также слышалась задорная песня, которая... казалась мне смутно знакомой. Ситуация для меня была настолько неожиданной и неестественной, что я не знал, как на неё реагировать, и не находил в себе сил повернуть голову. Единственное, что я сейчас мог, так это слушать, и я всеми силами старался понять смысл песни, но почему-то не мог этого сделать. Как бы я ни старался, как бы ни напрягал своё внимание и слух, смысл всё равно ускользал от меня, растворялся в тумане из непонятно чего.

Через некоторое время, продолжая слушать песню, я услышал ещё один странный звук, не похожий по тону и такту на пение. Он скорее походил на речь. Она также была непонятна мне, хотя и говорили, как мне показалось, на родном мне языке. К источнику говора через несколько секунд присоединился ещё один, затем ещё, и вскоре из кухни начало раздаваться как минимум восемь голосов, которые слились в одну неразборчивую массу. Незнакомые говорили друг с другом, подпевали песне, даже, казалось, спорили о чём-то, и их говор с каждой секундой становился всё громче.

Вскоре во мне зародилось сильное чувство дежавю, будто в такой ситуации я уже бывал, и бывал не раз. Мне было по-прежнему очень страшно, но уже не так, как прежде. Чувство страха перебило перевешивающее его любопытство, и, почувствовав, что ничто больше не сковывает моё тело, я повернул голову вправо и увидел, что на кухне... собралась почти вся моя семья! Неизвестно как, но в маленькой комнатухе уместились многие мои родственники: бабушка по линии матери, одетая в своё любимое зелёное платье; дедушка, танцующий с моей тётёй (бывшей хозяйкой этой квартиры); отец – как обычно, уже пьяный до беспамятства и отплясывающий на столе; бабушка по линии отца, выглядящая на сумму возрастов всех собравшихся, и куча других родственников, про которых я совсем ничего не знал и которых видел от силы два-три раза в жизни. Все были пьяные, все были весёлые и красные. И почти все танцевали.

Где-то полминуты никто вообще не обращал на меня внимания. Все были слишком заняты весельем и танцами, но через какое-то время из толпы, пританцовывая, вышла бабушка, одетая в зелёное платье, которое было покрыто узором из маленьких треугольных камешков, и громким голосом, чтобы перекричать веселящуюся толпу, предложила мне выпить чаю.

После того как она, наклонившись и опершись руками на свои колени, сказала мне это, я вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, будто кто-то взял и одним махом отсёк

от моей жизни лет семь-восемь и вернул меня во время моего беззаботного детства. Я даже вроде начал мыслить, как мыслил семь лет назад, и начал чувствовать, как чувствовал себя в то время, когда любое мелкое для моего нынешнего возраста происшествие казалось мне катастрофой мирового масштаба.

Продолжая дрожать, но уже не так сильно, как до этого, я слегка наклонился вправо, посмотрел несколько секунд на веселящуюся толпу, после чего вновь взглянул на бабушку и прошептал: «Нет».

– Что? Не будешь? – громко переспросила она и наклонилась чуть ближе ко мне, чтобы лучше меня слышать.

Я повторил чуть громче, но с хрипом – как же глупо это звучало! – и отрицательно качнул головой, чтобы бабушка на этот раз точно меня поняла.

– Ну, иди спать тогда. А то... что тебе тут с нами делать? – сказала она и, улыбнувшись, взъерошила мне волосы, после чего выпрямилась, развернулась и присоединилась к танцующим, уже, наверное, и забыв о нашем разговоре и о том, что меня вообще здесь видела.

Бабушка ушла, смешавшись с другими такими же танцующими, а я продолжил стоять на месте и смотреть на всю эту разгорячённую толпу на кухне, состоящую будто не из людей, а из животных, что отражалось в их поведении. Они то сновали туда-сюда по комнате, выкрикивая что-то неразборчивое и хохоча; то вдруг ни с того ни с сего останавливались

и начинали спорить о чём-то с кем-то (может, с самими собой), при этом еле-еле выговаривая слова и с жаром жестикулируя; то вдруг, тряхнув головой – будто бы проснувшись ото сна, – хватали кого-нибудь за руку и, закатываясь смехом, закручивали того в танце. И это было далеко не всё, что они делали, так как иногда они вытворяли такую хрень, из-за которой здравомыслящему человеку захотелось бы провалиться под землю от стыда. Всё это было до ужаса омерзительно, но самое главное было то, что они этого не замечали либо не хотели замечать. Они много, конечно, работают и заслуживают разрядки... да только ума у них хватает только на то, чтобы напиться, тем самым затуманив свой разум, и забыть про всё на свете. Возможно, с одной стороны это не так уж и плохо, но с другой – выныривает девятилетний мальчик по имени Денис, стоящий в коридоре и смотрящий на всю эту ахиною. Родители – примеры для их детей, их герои и боги, но когда эти самые боги в глазах ребёнка опускаются до свиней, у того меняется мировоззрение, и родители уже не становятся для него авторитетом. Если раньше он во всём соглашался с ними, даже не думая о том, что в словах родителей могут быть огрехи и несостыковки с действительностью, то теперь ребёнок в отношении всех – или почти всех – родительских сторон и мнений становится нигилистом. Он спорит, он кричит, он обижается и, доказывая свою правоту, приводит весьма значительные и логичные аргументы – по его мнению, разумеется, – но они все разбиваются об же-

стокое родительское «всё, я так сказал!», что делает ум ребёнка более узким и прямым, не давая ему творчески мыслить и выходить за рамки учебников и жизненных формул. К счастью, я понял это достаточно рано, чтобы не поддаваться этому влиянию, и на протяжении всей своей подростковой жизни противоборствовал родителям, которые очень часто меня просто бесили своей глупостью и невежественностью, но однажды...

По моей щеке протекла слеза и громко стукнулась об деревянный пол. Я на секунду опустил глаза, а затем снова поднял их и посмотрел сквозь слёзы на танцующую толпу, которая представлялась мне теперь кучкой мутных пятен.

— Однажды мы сильно поссорились, — очень тихо прошептал я, чтобы свои слова мог слышать только я, — и... я сказал, что больше не хочу их видеть! — Брови мои сдвинулись, глаза наполнились яростью при этом воспоминании. — Я уехал от них и на время переехал к своему другу, живущему в своей квартире в городе, и... и мы с родителями больше трёх месяцев не разговаривали... — Ярость отошла и из глаз полились слёзы. — И когда мама заболела и её увезли в больницу, я... я ни разу...

Я опустился на колени и, схватившись за лицо руками, зарыдал. Зарыдал так, как, кажется, не рыдал никогда, однако никто из тех, кто веселился на кухне, не подошёл ко мне и не поинтересовался, что же со мной стряслось. Всем было на меня плевать.

– Денис! – послышался вдалеке чей-то тихий голос, после чего раздался звонкий смех.

Я убрал от лица мокрые от слёз руки и медленно поднял голову. Даже при том, что я не мог разглядеть внутренности кухни, так как слёзы всё ещё стояли в моих глазах и мешали мне видеть, я всё равно понял, что в ней всё кардинально поменялось. Не было больше той задорной музыки, игравшей из старого магнитофона, свет стал более тусклым. Но даже без возможности видеть хоть что-нибудь, кроме расплывчатых очертаний, я понял, что мрак вновь вернулся в эти стены и всё веселье – если, конечно, оно вообще было – ушло.

Я протёр глаза кулаком и несколько раз моргнул, после чего начал медленно подниматься с пола. Передо мной предстала следующая картина: родственники, которые до этого так задорно танцевали, теперь сидели, опустив с грустью головы, за столом. Однако сидели они не за маленьким кухонным столом, а за большим раскладным, который тётя доставала только по очень важным праздникам и событиям. Мне тут же вспомнилось застолье после тётиных похорон, на котором присутствовали те же самые родственники, что сидели сейчас на кухне, и сидели они точно с такими же лицами и, что интересно, за тем же столом. Если я бы в действительности верил в то, что предметы могут собирать энергетику, то я с уверенностью мог бы сказать, что стол этот переполнен тёмной энергией, так как за ним было проведено достаточно

много поминок.

За столом напротив меня сидела моя тётя. Окно сзади неё было занавешено чёрными шторами, но всё же закрывали они его не до конца, и тонкий лучик тусклого света, проходящий сквозь этот промежуток, падал на её чёрные волосы. В отличие от глаз большей части гостей, в глазах тёти не стояли слёзы, однако всё же на её лице читалась такая глубокая грусть, что, казалось, ещё немного – и её внутренние дамы взорвутся. Даже если бы она не сидела напротив меня, даже если тусклый свет не освещал бы красиво её волосы и её лицо не казалось бы сосредоточением всей грусти на планете – даже если не было бы всего этого, я бы всё равно сумел бы выделить её среди других гостей. Она, как магнит, притягивала к себе взгляды присутствующих, без слов заставляла их наклонять к себе головы в почтении и тем самым создавала вокруг себя тёмную ауру, которую я не видел и не осязал, но которую чувствовал, чувствовал всей душой.

Все гости, включая и мою тётю, сидели в безмолвной тишине и практически непроглядной тьме. Лиц присутствующих, кроме лица моей тёти, освещённого тусклым светом, видно не было, как и не было видно лица того, кто после всеобщего затянутого молчания развеял тишину громким вздохом и последующими за ним тихими словами:

– Нам очень жаль, Даш, – пауза. – Нам... жаль, но ты должна знать, что... что мы всегда тебе поможем. Мы... мы...

И снова наступила тишина, на этот раз, кажется, ещё более неловкая для гостей, чем до этих слов. Мужчина с очень короткой стрижкой – в темноте только эти черты мне удалось различить, – опустил голову, будто стыдясь своих слов, и несколько раз кашлянул.

Половину минуты или чуть больше я пытался вспомнить, кому принадлежал этот голос, показавшийся мне очень знакомым. Я всматривался в тёмный силуэт мужчины, делая тем самым безуспешные попытки найти какие-нибудь знакомые черты. И вдруг меня осенило. Я понял, кому принадлежали эти слова, и очень удивился тому, что сразу не узнал его. Это был мой отец, который всего несколько минут назад задорнее всех отплясывал здесь, на кухне, и который тогда меньше всего походил на человека. Однако сейчас дела обстояли иначе.

Все гости продолжали молчать, опустив свои головы ещё ниже, и я знал, почему они это делали, так как не раз сам находился в подобном состоянии, сидя во время поминок за этим столом и за другими похожими столами. Сейчас у них в головах крутятся и перебираются различные слова, которые должны, по идее, выливаться в утешительную речь, однако они всё же не спешили этого делать. Вместо этого эти слова носились туда-сюда в их головах, не давая себя поймать и сосредоточиться на себе. Все присутствующие были в сильном смущении, которое не позволяло им трезво соображать и которое усиливалось по мере того, как затягивалось мол-

чение. Смушение усиливалось ещё и оттого, что всякий боялся своими словами, насколько утешительными они бы им ни казались, задеть тётю и расшатать дамбу внутри неё, которая и так уже была и без них расшатана.

Уже множество раз я видел, как люди, знакомые до рези в глазах, медленно угасали от неизлечимой болезни под названием старость, а затем, не выдержав гнёта прогнивших костей, умирали. Несчастье – вот что заставляет семьи сплотиться друг с другом, и после каждого вот такого события мы собирались на квартире усопшего за большим столом и... сидели. Сидели, опустив головы, и сами про себя вспоминали того, кого уже никогда не будет среди нас, но с которым мы все в конце концов однажды встретимся.

Никто не смел молвить ни слова, так как боялся нарушить святую тишину, царящую в квартире. Все продолжали доставать на свет из разных закоулков подсознания воспоминания об ушедшем, и по большей части эти воспоминания были хорошими. По крайней мере, у меня точно были. Перед глазами всплывали картины последних дней того, кого уже нет. Как он, с улыбкой на лице и сверкающими от слёз глазами, просил хриплым голосом у всех прощения и вслух жалел о тех проступках, которые совершил, и о поступках, которые, наоборот, не хватило храбрости совершить.

Затем перед глазами встало застолье в честь последнего дня рождения усопшего. Он сидел на самом почетном месте – у края стола рядом с тумбой, на которой стоял телеви-

зор, и диваном — и наклонялся то влево, то вправо, чтобы иметь хоть какую-то возможность услышать поздравления, сыплющиеся со всех сторон. Он был стар, но старость, по-моему, только заостряет чувство юмора. И, шутя добрыми, может, немного бородатыми шутками, а затем смеясь то над ними, то над эффектом, который они производили, своим тихим, старческим, но до безумия живым смехом, он заражал всех вокруг весельем и душевной добротой. Когда смотришь в эти окружённые морщинами, но при этом сверкающие и полные жизни глаза, то последнее, о чём думаешь, — это о скорой смерти их обладателя. Никто не мог поверить и не желал верить в то, что такой яркий огонь в глазах вдруг ни с того ни с сего мог погаснуть; что такая широкая, искренняя и полная жизни улыбка могла вдруг исчезнуть с лица, а добрые шутки, которые так веселили гостей и пробуждали в них жгучее желание жить и радоваться жизни, могут больше никогда не доноситься с почётнейшего места за столом и вообще ниоткуда больше, по крайней мере так, как их рассказывал он. Всё это сейчас есть, и в голове ни в какую не хочет уложиться мысль о том, что, возможно, скоро всё это исчезнет и станет лишь воспоминанием. Но вот наступает тот день, когда так задорно веселящийся и шутящий на своём дне рождения старик уже не в силах встать со своей постели. Единственное, что он может, так это еле-еле шевелить руками и тихо, но разборчиво говорить. И он говорит, говорит много, хоть это и удаётся ему с большим трудом. Говорит он

о своей прожитой жизни, рассказывает в подробностях её самые яркие моменты и те моменты, которые могли и должны были быть яркими. Рассказывает он всем: другим больным, медсёстрам, врачам, приходящим навестить его родственникам и друзьям, а если никого рядом не окажется, то и самому себе. Он целиком и полностью превратился в память, отеснив на второй и даже на третий план заботы о своём бренном теле, которое не будет иметь никакого значимого веса в том, другом мире. В мире, в который он готовится попасть и в котором для него уже не будет жизни, потому что вечный покой – это не жизнь. Старики хотят лишь одного – покоя. И в конце концов они его получают.

И вот это случилось. Вот огонь в недавно так сильно пылающих глазах потух, а вместе с ними мир вокруг сразу немного потускнел, растерял краски и смазал оставшиеся дождём. И вот мы уже сидим в квартире покойника за его раскладным столом и слушаем, как капли дождя с силой налетают на окно. И молчим. Молчим, потому что знаем, что мглу, образовавшуюся вокруг нас, развеивать пока рано. И вот после нескольких минут безмолвной тишины по всем собравшимся вдруг ни с того ни с сего ударяет энергетическая волна, и, отлипнув от своих мыслей и воспоминаний, они начинают делиться ими со всеми другими гостями. Всё начинается с шепотков в духе «А помните...», а заканчивается шквальным огнём из смешных историй из жизни. Мир вновь заливается покинувшими его красками, дождь прекращается, и

солнце, выглянувшее из-за тёмных туч, просачивается своими лучами между не до конца задвинутыми шторами и развеивает густую тьму в комнате.

Иногда по ночам, когда бессонница протягивает ко мне свои костлявые руки и сковывает их на моей шее, ко мне приходят призраки, но не те, что стонут по ночам в глубинах старых домов, а призраки прошлого, то есть воспоминания о давно прошедших временах. Я вспоминаю о тех, кого уже нет с нами, припоминаю в подробностях знакомые мне яркие моменты их жизни и, естественно, вспоминаю поминки, на которых оплакивали усопшего. Самым странным во всём этом всегда было то, что жизнь покойника представлялась мне большим расплывчатым пятном, будто я пытался вспомнить какой-то ускользающий сон, тогда как поминки виделись мне настолько чётко, что иногда нить, связывающая меня с реальностью, выскакивала у меня из рук... и я оказывался за большим столом, окружённый своими родственниками — как ближними, так и настолько дальними, что до поминок я даже и не знал об их существовании. Я сидел, как и все, с низко опущенной головой, и человек, посмотревший на нас всех со стороны, скорее всего, подумал бы, что мысли и чувства витали в нас одинаковые и что скорбим мы все одинаково сильно; однако такие его суждения были бы далеки от истины. Несколько раз за всё застолье я медленно и осторожно поднимал голову и вглядывался в чужие лица, стараясь

уловить чувства окружающих меня людей. То, что я якобы замечал, всегда наполняло меня злобой и горечью. Вот причина, которого я вижу от силы третий раз в жизни, сидит с неестественно низко опущенной головой и изредка стреляет взглядом в сидящих за столом гостей. Делает он это, как мне кажется, затем, чтобы проверить, сидит ли он ещё так, как другие, или ему стоит сменить положение. И всё! Это всё, о чём думает этот лысый хер! Как, твою мать, сесть так, как другие! А покойник? Думает ли он о нём? Знает ли он вообще, где сидит, или ему плевать?! Или вот, другой, точнее, другая – женщина среднего возраста, – сидит в своём чёрном бархатном платье и смотрит куда-то в пол своими влажными от слёз глазами, изредка потирая при этом свой длинный нос белым платочком и тихо всхлипывая. Казалось бы, что в ней можно было такого найти? Да она же просто сосредоточение неуважения и притворства! Всё, что бы она ни делала – включая эти дурацкие шмыганья носом и тому подобное, – она делала с такой театральностью и неестественностью, что, казалось, посмотри я на её фальшивое и чёрное от потёкшей туши лицо ещё несколько секунд – и меня бы стошнило.

И тошнило меня не только от неё. Практически от всех присутствующих в комнате меня просто выворачивало наизнанку! Как у этих придурков вообще совести хватало сидеть здесь? Здесь, на поминках человека, которого даже не проводывали, а если и решались на этот, без сомнения, отчаянный шаг, то раздували из этого событие вселенского мас-

штаба, приглашая с собой всех и вся и выбирая всей толпой дурацкие подарки. «А что, всё равно он их на полку поставит и даже не раскроет. А может, и передарит кому-нибудь», — думали они, покупая очередную бесполезную фигню, типа чайника, который у него уже есть. Такое впечатление, что без всех этих собирательств совершенно никак нельзя обойтись и старика нельзя просто так взять и посетить... как делал я. Даже когда он ещё не лежал в больнице, я, специально не собираясь и не покупая всякий мусор, ездил к нему, чтобы... просто поведать. Я не хотел ни денег, которые дедушки обычно дарят внучатам, ни конфет — ничего. Я... просто ездил, и делал тоже самое, когда его переложили в больницу. Тогда да, конечно, все сразу попрыгали со своих насестов и тоже начали посещать старика в палате. Все сразу стали такими добрыми, да-а, все превратились в хороших детей и хороших внучат. Отлично, хорошо и просто замечательно.

Перед глазами предстала новая картина: улыбка, отсекающая от старика сразу десяток лет, которая появлялась сразу, как я заходил в палату. Невозможно. Просто невозможно удержаться и не улыбнуться в ответ. Новая картина: руки, оплетённые венами-змеями, обнимают меня, и потрескавшиеся губы прикасаются к моей щеке. Но запечаталось в моей памяти лучше всего не это, а голос, который был настолько живой, хоть и отдающий слегка хрипотой, что в душе сразу зажигалась слепая и глупая надежда, что дедушка, лежавший передо мной на кровати и смотрящий на ме-

ня глазами, полными слёз благодарности, не умрёт никогда. Но, как говорится, надежда умирает последней... и обычно умирает не одна.

После всех этих мыслей я вновь перенёсся на застолье и, получив вновь под управление своё тело, вздрогнул и поднял голову.

«Только я достоин здесь сидеть! – вспыхнуло у меня в голове. – Я один! Все ваши кривляния и ваша наглая показуха просто меня убивают! Чего вы пытаетесь добиться своими фальшивыми страданиями? Хотите отхватить кусок от большого пирога, хотите... те самые чайники, что вы на днях покупали? Так подавитесь, твою мать, подавитесь, если вам так всё это нужно! Хотите... не знаю... показать ваше актёрское мастерство? Ну что же, практика дала о себе знать – вы достигли в этом деле почти совершенства. Лучше бы с таким рвением смеялись и веселились – без фальши – вместе со стариком, пока была такая возможность».

Прошлое – не всегда лёгкая ноша, и некоторые неприятные моменты своей жизни я стараюсь спрятать куда-нибудь поглубже в своё подсознание. Но в бессонные ночи, когда шторы памяти распахиваются, прошлое наваливается на меня всем своим весом, а неприятные моменты предстают перед глазами и начинают зловеще улыбаться ртами, полными острых клыков, а затем вгрызаются в грудь, заставляя меня чувствовать сильнейшую душевную боль. К таким моментам относятся практически все поминки. И дело было вовсе не

в родственничках усопшего, которых я считал бездушными людьми, а... во мне.

Шторы распахиваются... и воспоминания, просочившись между их половинками, начинают мучить меня и вгрызаться своими острыми клыками в мою плоть. Сначала я не понимал, за что. «За что? За что вы меня мучаете?» – мысленно вскрикивал я по ночам. Прошло много времени, однако легче не стало, и никакие таблетки, никакие лекарства, советы друзей и народная медицина не могли унять боль, терзающую мою душу.

– Я же не плохой! – шептал я сумеркам. – Это они плохие, они лишены души, они во всем виноваты! Они!!! За что же вы меня мучаете?

И я закатывался в истерику и ревел до тех пор, пока боль, подхваченная слезами, не выходила вся из меня по щекам, и только тогда я, успокоенный, мог погрузиться в сон... который вовсе не избавлял меня от душевной боли. Наоборот – он подкидывал ещё больше дров в и так большой костёр в моей душе. Во сне я попадал... в очень странные места...

...Дом был давно заброшен, в этом не было никаких сомнений, а вокруг меня было полным-полно мусора. Кирпичные стены внутри здания были практически сплошь разрисованы граффити различного качества, которые в свете луны, проникающем в дом через пустые оконные рамы, были еле-еле различимы. Моргнув несколько раз, чтобы прогнать рябь в глазах, я начал с удивлением озираться по сторонам. Нахо-

дился я в узком коридоре. По левую сторону коридора шли дверные проёмы, из некоторых шёл серебряный свет луны. Расчистив немного под ногами завал из мусора, я начал пробираться вперёд. Каждый мой шаг отдавался громким эхом от стен, так что ступать я старался как можно осторожнее, боясь привлечь внимание того, кто мог быть здесь ещё, кроме меня. Я прошёл некоторое расстояние вперёд по коридору, по пути мельком осмотрев содержимое замусоренных комнат, после чего резко остановился и прислушался. Практически сразу, как только я это сделал, меня будто ударило током и по моему телу пробежали мурашки. Сзади меня кто-то шёл, тихо перебирая ногами мусор.

Медленно обернувшись, я увидел вдалеке, практически в начале коридора, странное... существо. Назвать это человеком язык не поворачивался, хоть у него и имелись ярко выраженные человеческие черты. Оно передвигалось на неестественно длинных и тонких ногах, на которых было надето что-то вроде джинсов, только очень узких; туловище его было круглое, будто надутое, а низко опущенная голова пряталась за шляпой с очень широкими полями и загнутыми краями. Она походила на сомбреро.

Существо двигалось очень странно и неестественно, будто в его спине вообще не было никакого позвоночника. Его тело и голова безвольно колыхались из стороны в сторону, пока ноги медленно ступали одна за другой, сгибаясь в коленных суставах в стороны – правая в правую, левая в левую, –

а не вперёд, будто толща сухожилий в его ногах вместе с коленями были расположены совершенно по другому принципу, нежели у нормальных людей (или, скорее, просто людей). Однако странности в его внешности на этом не заканчивались. Осмотрев его ноги, туловище и голову, я скользнул взглядом по тому, что сначала пряталось в тени. Из рукавов существа свисали, практически касаясь пола, странные скрюченные... штуки, схожие с ногтями женщин из книги рекордов Гиннеса, которые не стригли их чуть ли не всю жизнь. Один их вид очень сильно меня напугал, и, приглушённо что-то прохрипев, я вновь повернулся вперёд и побежал. Я чуть не споткнулся и не упал во время рывка и ещё несколько раз после этого. Странное существо шло медленно, и ноги его, похожие на прутья, очень сильно тряслись, когда оно наступало ими на бетонное покрытие. Вообще, всё выглядело так, будто существо вовсе не гналось за мной, а просто неспешно шло вперёд, перебирая и осматривая мусор под собой. Хотя, скорее всего, оно меня просто ещё не обнаружило. Может, оно было глухое и слепое, а может, просто было мною не заинтересовано... однако на всё это мне было абсолютно наплевать. Я не мог успокоиться и начать бежать чуть медленнее из-за ауры, которую испускало странное создание в широкополой шляпе. Аура эта была еле-еле, но всё же осязаема, и по ощущениям была похожа на паутину, которую кто-то бросил мне в лицо. Липкая, неприятная масса, залепив мне глаза, нос и рот, начала растекаться, словно ки-

сель, по всему моему телу, частично парализуя мои конечности и внутренние органы, из-за чего мои руки и ноги начали судорожно трястись, почти как ноги у того существа. Но сдаваться я не собирался. Я продолжил бежать и изредка сбавлял на несколько секунд шаг, чтобы оглянуться назад, на него... а тем временем кисель, залепивший практически всё моё тело, продолжал делать свои чёрные дела. Я начал замечать, что чем быстрее стараюсь бежать, тем меньшее расстояние преодолеваю. Однако, несмотря на это, сбавлять скорость я не собирался, так как аура, исходящая из того странного существа, усилилась до такой степени, что мне начало казаться, будто оно уже совсем рядом и готово начать дышать мне в спину, хотя на самом деле существо продолжало плестись где-то в самом начале коридора. Подстёгнутый животным страхом и ощущением того, что сейчас длинные и, скорее всего, острые ногти вонзятся мне в спину, я ускорился до такой степени, что перестал вообще как-либо продвигаться вперёд, хотя ноги мои продолжали с силой отталкиваться от пола. Я будто бежал по беговой дорожке или по эскалатору с противоположным направлением. Поняв, что такими темпами мне никогда не добраться до конца коридора, я перешёл на шаг, но, к моему глубочайшему удивлению, пользы это не принесло. Кисель сделал своё дело – я был практически полностью обездвижен.

Невзирая на полную бесполезность всех моих попыток продвинуться вперёд, я всё же не остановился и продолжил

идти, точнее, перебирать ногами, будто вся эта неспособность к передвижению была лишь плодом моего воображения и на самом деле я уже практически добрался до конца коридора. И тут случилось то, чего я ожидал, наверное, в последнюю очередь – откуда-то сзади начала раздаваться странная песенка:

– Тири-ти, тири-там, тири-ти-ти-ти, тири-там-там-там.

Я обернулся и увидел существо в широкой шляпе... неизвестно как оказавшееся всего в пятнадцати метрах от меня! По моему полупарализованному телу пробежали мурашки, и, вскрикнув от испуга, я начал перебирать ногами быстрее, что, как я и ожидал, пользы не принесло. Я не понимал, как это создание смогло преодолеть такое большое расстояние за такой короткий срок, если принять во внимание то, что до этого оно двигалось медленнее любой черепахи!

Странная песенка, которая действовала на меня так, что мне начало казаться, будто мою голову сдавливают тисками, становилась всё громче, однако я, даже несмотря на желание, не смог обернуться, чтобы узнать, близко ли от меня находилось существо или нет. Мою шею пронзила такая же судорога, как и все мои другие части тела, так что мои попытки повернуть голову оканчивались ничем. Песенка эта очень пугала и давила на психику, но кому-то – возможно, тому самому существу, если, конечно, оно не было всего лишь марионеткой в чьих-то руках – её показалось недостаточно. Через минуту к ней добавился тихий, но тем не менее доволь-

но отчётливо слышимый жуткий скрежет. Его источник находился всего в десяти метрах от меня. Я тут же представил, как оно вытянуло руки в стороны и начало скрести своими длинными скрюченными ногтями по кирпичной стене, примерно как это делал Фредди Крюгер в первой части «Кошмара на улице Вязов». Только делало это существо в широкополой шляпе не острыми лезвиями, которыми Фредди полосовал своих жертв, а длинными ногтями. Эти пугающие мысли, как и не менее пугающие звуки, которые их породили, заставили моё сердце биться быстрее, а мои ноги, от которых практической пользы было никакой, – с большей частотой отталкиваться от неподдающегося пола.

С того момента, как откуда-то сзади начало раздаваться пение, а существо в шляпе с широкими полями и со странной манерой движения каким-то образом оказалось всего в пятнадцати метрах от меня, я продвинулся вперёд от силы на пару метров... однако на это мне было плевать, так как я всё ещё не верил в реальность происходящего. Я был там, в реальности, которую создал в своей голове после того, как странный кисель начал тормозить меня и сковывать мои движения. Мне казалось, что на самом деле конец коридора был уже близок. В том мире я уже подбегал к повороту, напротив которого в коридоре лежала яркая полоска серебряного света.

«Выход! – мысленно воскликнул я. – Пожалуйста, хоть бы это был он! Пожалуйста... Я хочу убраться отсюда поско-

рей!»

И тут я услышал сзади себя тихое, прерывистое дыхание, будто у кого-то случился приступ астмы. Источник этого звука находился всего в двух шагах от меня, если не меньше, и этот неоспоримый факт стал для меня смачной пощёчиной, прогнавшей все иллюзии и вернувшей меня в реальность. Настоящую реальность. И тогда страх пустил корни.

«Паук... он дал мне надежду, – пронеслось у меня в голове. – Надежду на то, что я смогу выбраться отсюда, а затем забрал её, чтобы окунуть меня в настоящий кошмар».

Все окружающие меня звуки – странная песня, которая больше походила на шипение, скрежет по стене, прерывистое дыхание – слились в одну ужасную симфонию, которая утопила меня в себе и начала душить, но не физически, а душевно. Мой разум сжался до размеров макового зёрнышка, и через секунду я почувствовал, как длинные скрюченные ногти дотронулись до моего правого плеча.

«Паук пришёл!» – это были мои последние мысли перед тем, как тьма в моих глазах начала сгущаться и капилляры поползли к моему зрачку, подобно ядовитым змеям к своей жертве.

Я помню этот сон. Помню, как и многие другие, снявшиеся мне в течение тех кошмарных двух месяцев. Именно из-за них у меня началась эта... бессонница. Кошмары были настолько ужасные, что довольно часто я просыпался после

них с криками, причём такими, что казалось – всего секунду назад меня резали тупым ножом. Заснуть после этих снов я уже не мог, даже если и хотел, так как моё сознание боялось вновь погрузиться во мрак, из которого выглядывала чья-то широкополая шляпа. До того, как я проконсультировался с врачом, и до того, как таблетки стали моими лучшими друзьями, половину ночи я просто лежал и изучал узоры на потолке. Я отлично помню, что на всех панелях был одинаковый узор: выпуклые полосы, размещённые так, что напоминали царапины, оставленные чьей-то когтистой лапой. Лежа в постели и смотря в потолок, я представлял себе сюжеты, которые могли быть составлены из этих групп полос. Наклонил голову чуть вправо, и вот тигр-циркач, состоящий из одних полос, готовится к своему лучшему номеру – прыжку в огненное кольцо, которое осталось «за кадром». Наклонил голову чуть влево, и вот мужчина-полосы сидит за столом-полосами, а на заднем плане женщина (также из полос) стоит спиной к мужчине и смотрит куда-то вдаль. «Что произошло между ними?» – спрашивал я себя, но не мог дать точного ответа. Мужчина всегда сидел с поникшей головой, женщина всегда стояла спиной к нему. Из них двоих я никогда не мог выбрать сторону, за которой была правда. Мужчина напоминал мне моего отца, а женщина – мою мать. Иногда моя фантазия добавляла в рисунок больше деталей: полупустые тарелки и рюмки, стоявшие на столе, обшарпанные обои на стенах комнаты, окно, в которое смотрела женщина.

Естественно, всего этого быть не могло – полос попросту не хватало, – однако я никогда не отвергал эти миражи, так как считал, что они дорабатывали рисунок, делали его более реальным и живым. Через некоторое время я понял, что всё это было не просто так. Все эти миражи – отголоски того, что скрывалось за шторами внутри меня. За шторами, которые я боялся открывать. Что-то... билось внутри меня. Оно пыталось выбраться наружу, и я чувствовал его усилия каждую ночь. Иногда, когда я добавлял слишком много деталей из своей личной жизни в рисунки на потолке, ему всё же это удавалось.

Шторы раскрылись... и оттуда показалось немыслимое чудовище с огромной пастью, полной острейших зубов-клыков, и с тускло-жёлтыми глазами. Раздался рык, и клыки принялись за дело. Они вонзались мне в грудь, царапали и разрывали, оставляя после себя кровавые висячие лоскуты. Я задерживал дыхание от ужаса, вскрикивал и снова вздыхал, будто просыпаясь ото сна, но это не помогало. Воспоминания вообще сложно заглушить.

Практически каждую ночь я вступал в схватку с порождением мрака, скрывающим своё лицо за шторами, но всякий раз выходил проигравшим. «Кто же ты? – спрашивал я у тьмы, когда монстр отступал на некоторое время, и я мог перевести дыхание. К сожалению, ответа, который меня бы удовлетворил, я не получал. Только боль.

Иногда я бродил по квартире, взяв в одну руку фонарик

или телефон, и осматривал комнаты. Довольно часто я заходил в зал и начинал перебирать тётини и бабушкины книги. Рутинa оказалась моим вторым лучшим другом в эти мрачные месяцы (первым были, естественно, таблетки), но и она не всегда мне помогала. Наверное, где-то через две-три недели я занялся этой проблемой серьёзно. Посещение многих сайтов и тематических форумов в интернете, а также чтение нескольких книг, посвящённых моему недугу, позволило мне сделать вывод о том, что бессонница – временное явление и со временем сама пройдёт. Но время шло, и прошло его очень много перед тем, как я всё же решился обратиться к врачу. Тот, естественно, после недолгой беседы прописал мне снотворное и пару ещё каких-то таблеток, дурных на вкус. Проблема заключалась в том, что толку от них не было абсолютно никакого, так как от кошмаров они меня не избавляли. Я засыпал, да (как, собственно, и хотел), но, заснув, попадал в самый настоящий ад. Этот... грёбанный врач меня даже не слушал! Он что, и вправду думал, крутя мысли в своей тупой башке, что все проблемы с бессонницей всегда решаются снотворным, к которому сверху надо присобачить, как вишенку на торте, успокоительное? Да, по идее оно должно избавлять от кошмаров... только вот оно ни хрена не избавляет! Я решил послать этого напыщенного ублюдка к чёрту на повторном приёме... да только реализовать я это не успел – приехала мама.

... И вот сейчас, стоя здесь, в кухонном дверном проёме, и

дрожа как осиновый лист, я, кажется, нашёл ответ на вопрос: «Кто стоял по ту сторону штор, сверкая своими кошачьими глазами?»

— Это была совесть, — прошептал я наконец, и по моим щекам вновь потекли слёзы. — Это была госпожа совесть. Я всю свою жизнь прикрывался мнимой добродетелью, не понимая, что всё, что я представлял, было ложью, самообманом, затмившим мне глаза, словно густой туман. Я видел чрезмерно театральные лица и лживые признаки чувств у людей, окружавших меня, потому что хотел их видеть, а не потому, что их лица и чувства являлись таковыми на самом деле.

Очки, через которые я видел всё в грязном и порочном свете, спали, и я увидел... Боже, что я натворил...

Они не идеальны, да, но и я не ангел тоже. Пытаясь вернуть мнимую справедливость, я пал. Пал в бесконечную тьму. Сколько бы я раз ни говорил, что я невиновен, — этого всё равно будет недостаточно, чтобы заглушить правду, скрывающуюся за чёрной пеленой. Я... никак не мог принять, что не являюсь олицетворением правды во всём мире. Я не искал истину, которая на самом деле не всегда лежит на видном месте, а просто мысленно очернял всех вокруг себя и считал, что являюсь лучше их в моральном и духовном плане.

Скрип колеса где-то вдалеке. Я начал тереть ладонью лоб. Однако одного самолюбования мне было недостаточно.

Пытаясь доказать, что они были неправы, я вступал в перепалки с членами своей семьи, не брезгуя переходить на крик, а иногда и на что похуже. В конце концов, это должно было вылиться во что-то более серьёзное. Я знал, что этот день настанет, и он действительно наступил. Я им прямо сказал, что они бесчувственные старые дураки, причём ещё и лицемерные, а также припомнил им всё, что, как мне показалось, доказывало мою правоту. Их реакция на это ничуть меня не удивила. Они были возмущены теми словами настолько, что стали похожи на змей, которые выгнулись s-образной формой, чтобы в следующий миг наброситься на свою жертву.

В течение того времени, как я пытался доказать родителям всё, что хотел, мать, как обычно, истерично хохотала и ловко парировала мои выпады доводами, которые вели меня в тупик, а отец, нахмурившись, внимательно слушал нашу с мамой перепалку, готовясь вставить поперёк всего свой фирменный и единственный довод, который он практически всегда использовал в таких случаях. Когда я закончил, переспорив свою мать по многим пунктам (ну естественно – я же был прав), отец, сжав кулаки, пошёл ко мне. Пока он шёл, его скулы нервно дёргались, а губы слегка подрагивали, но, когда он подошёл ко мне вплотную, вся нервность на его лице мигом испарилась. Тогда (как и всегда) я знал, что он хотел меня ударить, и прекрасно знал, куда. Когда его ладонь была уже на полпути к моему лицу, я ловко отвел её своей рукой, и удар прошёл мимо.

«Что же это такое? – выразило его лицо. – Этот сопляк что... увернулся от моего молота, приносящего закон и порядок в мои земли?»

Тогда меня это позабавило, хотя я никак не выразил это. Мне всегда нравилось это выражение его лица – тупое удивление, – потому что оно очень хорошо его характеризовало. Отец считал, что абсолютно всё можно решить силой. «Какой-то сопляк умничает? Удар. Кто-то плохо на меня посмотрел? Что-о-о-у-у? Удар! Мой несокрушимый молот всё... сокрушит, ибо он – закон!» Да, отец и мать друг друга стоили, это уж точно.

Я видел, как вены и жилы на его шее напряглись. Он был просто в ярости и не знал, как её выразить в достаточной мере. Но, в отличие от матери, отец не мог долго злиться. Всё-таки что-то в нём было, хотя я так и не смог понять, что.

Мы молчали. Просто стояли и смотрели друг на друга: я – в глаза отцу, он – в мои. Вскоре дыхание отца перестало быть таким учащённым, и он спокойно проговорил:

– Так в-вот, значит, к-как ты думаешь... – Во время споров отец слегка заикался. – Ты думаешь, что м-мы совсем дурачки и н-нас надо выбросить на свалку? М-мы всё с мамой для тебя делаем, а т-ты... – Отец обернулся к матери, рот которой превратился в узкую щёлочку. – Вот, мать, чего мы добились. Вот, полюбуйся, – она кивнула. – Слишком уж м-мы тебя любили – снова ко мне, – теперь я это понял. Теперь ты наконец раскрыл мне глаза, спасибо тебе за это.

Я думаю... – отец на несколько секунд замолчал, сжав губы, а затем продолжил: – Может... тебе стоит пожить отдельно от нас какое-то время? Может, хотя бы родителей научишься уважать! Посмотришь, как без папки с мамкой жить! Я... уже устал кричать на тебя, к тому же м-мои крики... они до тебя не доходят! Ты ведь ни хрена не понимаешь!

Он замолчал на несколько секунд и за это время успел положить руки на бока и кинуть пару отстранённых взглядов куда-то мне за спину. После этого он вновь посмотрел на меня, и его рот скривился в странноватой улыбке, которая мне совсем не понравилась.

– Ты же... не можешь ничего без нас. Ты... даже сготовить пожарить себе не сможешь!

Я посмотрел на маму. Она вцепилась в края своего платья и смотрела на меня так, что казалось – вот-вот её глаза вылезут из орбит. Мама хоть и была неисправимой истеричкой, но сейчас всё же ждала того, что я сдамся и решу остаться, потому что я знал: что бы ни случилось, даже если, например, меня вдруг осудят на сто лет за убийство и решат увезти куда-нибудь в Сибирь, мама меня всё равно не отпустит от себя. Ей наплевать на всё: на закон, на мнение людей, на своего мужа. Если надо, она придушит любого, кто захочет разлучить меня с ней. Она любит меня, действительно любит, но любовь – неоднородная сущность. Она может принимать разную форму в зависимости от характера человека и от того, к кому именно любовь обращена.

Отец любил меня по-другому. Тогда я не понимал этого. Я даже не понимал, любил ли он меня вообще, но сейчас я знаю, что да, он любил, и любовь его выражалась в его ужасном стремлении слепить из меня что-то действительно стоящее. Да-да, именно слепить, так как лепка – это не что иное, как попытка придать бесформенной массе нужную форму путём сильного физического воздействия на неё. Отец именно так и поступал, разве что воздействовал он на меня не только физически, но и морально. С самого моего детства он учил меня отличать хорошее от плохого, наставлял меня на путь, по которому, как он считал, мне следовало идти, чтобы стать тем, с кем другие будут считаться. Я вспомнил обо всём этом только после окончания спора... однако это всё равно никак на меня не повлияло.

Несмотря на то, что я ему наговорил так много отвратительных слов, мне кажется, что он ждал того, что я всё же решусь съехать, но не потому, что, как я тогда подумал, хотел от меня избавиться, а потому что думал, что если не съеду, то усядусь к ним на шею и... замру. А это не тот путь, что уготовил мне отец. Совсем не тот. Больше всего на свете он ненавидел иждивенцев, этих ублюдков-кровопийцев, как любил поговаривать отец, потому что считал лень самым страшным грехом, почище воровства или даже убийства.

«Даже самые кровожадные убийцы не смогут загубить абсолютно всё общество, а вот лень на это вполне способна», – вот как он говорил по этому поводу.

Ответ, которого они так долго ждали, я дал не сразу. После слов отца я ещё где-то с полминуты или чуть больше стоял и молча смотрел на своих родителей, кидая слегка испуганные взгляды то на одного, то на другого и чувствуя, как ноги, согнутые в коленях под небольшим углом, начали предательски подрагивать. Я двинул бровями – пот, готовящийся скатиться с них в любую секунду, нервировал меня. Когда я понял, что пауза начала затягиваться, то нервно сглотнул, повернулся к отцу и ответил:

– Да... знаешь, я, наверное, всё-таки, съеду... – произнес я, а потом через секунду добавил то, о чём потом сильно пожалел.

Я не знаю, что в тот раз на меня нашло. Может, мне показалось, что я говорил, как трусливый мальчишка, боящийся своих родителей и поэтому желающий поскорее свалить от них, а может... не знаю. Главное, что те слова я всё же произнёс и что их уже невозможно вернуть назад.

– Да... я уеду. А знаете почему? Эти ваши чёртовы запреты, правила, ваши: «Нам лучше знать, поэтому заткнись и делай так, как тебе велят». Меня всё это достало! Какого хрена я должен идти по пути, который вы мне прочертили, и... и с чего вы вообще решили, что я хочу по нему идти? Достаточно мне было сделать шаг в сторону – и вы тут же хватали первое, что подвернётся под руку, били меня этим и возвращали обратно на тропу. Мне было больно и неприятно оттого, что я не мог ничего с этим поделать, так как был

зависим от вас, однако я знал – и вы, наверное, тоже, – что это не будет продолжаться вечно. Тем не менее я всё равно продолжил сопротивляться вашему влиянию, надеясь на то, что не стану таким, каким вы хотели меня видеть, и тем более таким, как вы. Вы... вы всегда считали, что все мои увлечения – это глупости, которыми не стоит забивать себе голову. Это были... ни хрена не глупости! Я, может быть, мог бы стать музыкантом... или писателем, или, может быть, художником. Но для вас же это, мать его, не дело! Это же... подростковая хрень, которая «скоро сама пройдёт»! Вы... вы идиоты! Любое моё увлечение вы сравнивали с игрой с пластилином. «Пусть дитя себе тешится», – так вы думали про всё это.

Родители, казалось, слушали меня очень внимательно, но я-то прекрасно знал, что это было не так. Я знал, что половину моих слов они пропускали мимо ушей, так как считали их откровенным детским бредом, а другую половину – простыми занудными словами, не значащими абсолютно ничего. Во время моей речи мама несколько раз отворачивалась, и мне казалось, что она просто была уже не в силах сдержать улыбку, эту противную улыбку, будто говорящую: «Ну и бред же он несёт. Ну ладно, он ещё не взрослый (всего шестнадцать годиков, ага), ему пока прощительно... хотя врачу показать его, конечно, не мешает».

Я посмотрел на маму, которая вновь отвернулась и начала смотреть куда-то на стену за собой, затем перевёл взгляд на

отца и продолжил:

– Вы... вы всё время принимаете меня за ребёнка, хотя я уже далеко не дитя. И уезжаю я главным образом потому, что устал от вас! Устал настолько, что не могу вас больше видеть. Я... я не хочу вас больше видеть, ясно? Уже посмотрелся на вас за шестнадцать лет, пора мне наконец начать жить своей жизнью, вы так не думаете?

После этого нас накрыла тишина. Оба родителя смотрели на меня, выпучив глаза. Я был доволен впечатлением, которое на них произвёл своей речью, но не показал это. Я хотел, чтобы моё выражение лица оставалось серьёзным и решительным.

После паузы в полминуты отец, продолжая смотреть, как мне тогда показалось, на мои ноги, замахал головой, при этом скорчив свою любимую театральную гримасу, будто говорящую: «Ну ты и сказанул, один-ноль в твою пользу». Утихомилив через некоторое время свою голову, он поднял брови, кинул на меня многозначительный взгляд, а затем произнес слова, от которых у меня мурашки пробежали по телу:

– Надеюсь, после своих слов ты сможешь спать спокойно.

Я знал, что по крайней мере одно не смогу делать после своих слов, а именно оставаться здесь, так что уже тем же вечером я начал паковать свои чемоданы... а точнее, рюкзак и пару пакетов-маек. Следующим утром я уже ехал в автобусе, который должен был отвезти меня в город. В пути я слушал песни, которыми перед поездкой забил до отвала

плейлист в своем телефоне, и смотрел в окно на приближающиеся и уносящиеся вдаль поля подсолнечников, омываемые солнечным светом, на лесопосадки, тянувшиеся вдоль дороги почти до самого города, а также, естественно, на посёлки и деревни. Я не думал вообще ни о чём и находился в странной (но не удивившей меня в тот раз) прострации. Я точно не знаю, что это было, но думаю, что это было что-то вроде шока. Я не понимал, что происходит, не понимал, где я и куда направляюсь, но мне было всё равно. Все мои чувства, кроме зрения и слуха, отключились, но мне и их было вполне достаточно. Я видел, мимо чего проплывал мой корабль, который направлял меня туда, где уже не будет привычного для меня порядка вещей. Где не будет ни мамы, ни папы. Но это было лишь будущее, и тогда оно казалось мне таким далёким, что виделось чем-то недостижимым. А что, если... если автобус никогда не доедет до города? Что, если корабль не доплывёт до того пугающего будущего? Ах, как это было бы прекрасно! Я навсегда остался бы здесь, в этом автобусе, на этом месте и, слушая музыку из своего плейлиста, смотрел бы через окно на леса и поля. Но больше всего я хотел не этого, а того, чтобы автобус поехал обратно задом наперёд, чтобы те противные слова обратно залетели мне в рот и наполнили всё моё нутро гнилью, чтобы родители снова улыбнулись мне... а я улыбнулся бы им в ответ. Когда они были счастливы, то и я... был. Господи...

– ...что же я натворил, – тихо прохрипел я, стоя в кухон-

ном дверном проёме, после чего поднял свои дрожащие, покрытые немногочисленными царапинами руки и с ужасом всмотрелся в них. – Я... я монстр! Я... не могу сдерживать свои чувства, просто не могу, тем более что сильнее всего чувствую гнев. Я зол буквально на всё и всех, и я не в силах это контролировать. Мне нет места среди нормальных людей, уважающих и ценящих своих близких. Мне не место... здесь... но только не сейчас, – в кровь брызнула огромная порция адреналина и начала разгонять сердце, заставляя его стучать быстрее. Я поднял голову, нахмурил брови. – Сейчас мне совершенно начхать на всё, потому что я нужен своей матери... потому что я связан клятвой.

Сейчас я чувствую себя призраком, которого держит в этом мире только клятва, которую он дал... а может, так оно и есть. Может быть, я уже умер давно, и мой труп сейчас валяется где-нибудь за диваном в зале и гниёт, хотя... как-то всё равно. Мне сейчас абсолютно наплевать на всё.

Я сделал два шага назад, не отрывая взгляд от стола, вокруг которого сидели, опустив головы, мои родственники, а затем пошёл влево по коридору приставными шагами. Когда кухонный дверной проём скрылся из виду, я повернулся к двери в ванную, еле различимую с такого расстояния. Меня и стеклянный шкаф слева разделяли пара шагов.

«Осталось проверить две комнаты, а конкретнее – ванную и туалет, – подумал я. – Если и в них не будет телефона, то я и не знаю, где он ещё мог бы быть, если только не у...»

Мне не хотелось об этом думать, так что я тряхнул головой, чтобы прогнать лишние мысли, а затем продолжил свой путь, стараясь, как обычно, ступать по полу как можно осторожнее, чтобы доски нигде не скрипнули и не выдали меня.

И вот я наконец у двери, за которой когда-то (кажется, вечность назад), видел зелёные глаза, хозяйка которых до сих пор где-то здесь, прячется во тьме и ждёт удачного момента, чтобы наброситься на меня.

Конечно, ответ на вопрос «кем она являлась», был вполне очевиден, но с недавнего времени я начал в этом сомневаться. Я помню, что когда перебежал из маминой спальни в свою, то вдруг почувствовал на себе взгляд... и я не верю, что он принадлежал маме. Ни в какую не могу поверить. Может, какая-то... сущность взяла под контроль мамин разум и действует от её имени? И если раньше сущности не удавалось завладеть её телом, то теперь ей это удалось благодаря сложившейся ситуации. Я люблю маму... но, как бы то ни было, сейчас она (или её тело) может мне серьёзно навредить, поэтому мне нужно быть крайне осторожным, если хочу выбраться отсюда и спасти маму от этого безумия.

Сделав глубокий вдох, а затем выдох, я потянулся к ручке...

– Денис! – раздался откуда-то позади знакомый женский голос.

Всё моё тело парализовало, рука так и застыла в нескольких сантиметрах от ручки.

«Я... знаю этот голос, — проговорил я мысленно, — но... воспоминания о нём такие туманные, что кажется — он пришёл из давно забытого прошлого. Хотя... скорее всего так оно и было».

Мои мысли прервал тот же самый голос, от которого веяло такой добротой — причём знакомой, — что по моему телу прошла дрожь:

— Пойдём с нами пить чай, Денис.

Я обернулся... и мои глаза тут же раскрылись шире от удивления, а рот слегка приоткрылся. Передо мной стояла мама... но лет я ей дал бы не больше двадцати пяти! Одета она была в красивое голубое платье, которое слегка светилось в темноте и освещало небольшую зону вокруг своей хозяйки. Я никак не мог вспомнить, было ли у неё такое платье или нет... но мне стало всё равно сразу после того, как я взглянул на её лицо. Мама улыбалась, и эта улыбка вернула меня в глубокое детство...

... Перед глазами предстало пшеничное поле, простирающееся по обеим сторонам грунтовой дорожки, по которой мы с мамой шли. Вдалеке виднелись дачные домики, разбросанные по холму и у его подножья.

Стояла сильная жара, и я периодически вытирал пот со лба тыльной стороной ладони, прямо как это делала мама. Я посмотрел на неё снизу вверх, чувствуя себя карликом, который неизвестно как оказался в мире гигантов, и улыбнулся, а она улыбнулась мне в ответ. Одета она была в простое

деревенское платье, на котором, кроме бледных ромашек, не было больше ничего напечатано, и хоть оно выглядело не так роскошно, как у той мамы, которая вызвала у меня это воспоминание, оно тем не менее было для меня не менее прекрасным. Тогда мама была другая... и я был другой. Жизнь в то время была намного проще, и я не задавался теми вопросами, что задаюсь сейчас. Детство – беззаботное время, потому что в это время человек не обладает достаточным багажом знаний, чтобы волноваться о чём-то. Знания – вот убийцы детства, но они при этом и ключи к новой жизни. К жизни в реальном мире. Можно этому, конечно, радоваться, если не учитывать, что слово «реальность» очень часто выступает синонимом к слову «жестокость».

Детство для меня уже давно прошло, и к тому времени я теперь могу вернуться только во снах. Даже если я приеду туда, на это поле, глубоко вдохну степной воздух и осмотрюсь, то всё равно не смогу почувствовать всё так же, как чувствовал раньше.

Мама отвернулась от меня и посмотрела вдаль, на холм, с которого на нас смотрели дачные домики... и вновь вокруг меня сгустилась тьма, я снова оказался в своей квартире возле стеклянного шкафа и ванной комнаты.

Мама (та, что была одета в голубое светящееся платье) улыбнулась мне, обнажив свои белоснежные зубы, и поплыла – да-да, именно поплыла – к кухне. По моим щекам потекли слёзы, и, не особо раздумывая, я кинулся за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.